

МУЖЧИНА В ФЕМИНИЗМЕ

Мужской феминизм

Стефен Хиз

Отношения мужчин с феминизмом - это невозможные отношения. Я говорю это без горечи, без раздражения (хотя горечь и раздражение - известные и обычные реакции), но политически. Мужчины имеют отношение к феминизму по необходимости - суть в конечном итоге в том, что феминизм должен изменить их тоже, что он предполагает постижение новых способов того, что это значит - быть мужчиной и быть женщиной, в противоположность способам, существующим на сегодняшний день, и с целью положить конец подавлению женщин. Это отношение в каком-то смысле обязательно отношение исключения - суть в конечном итоге в том, что это важно для женщин, это их голоса и их действия должны определить изменение и переопределение. Их голоса и их действия - не наши, неважно, насколько мы «искренние» или «сочувствующие» и т.п. - мы всегда все равно остаемся мужчинами - позиция, которая несет в себе все последствия доминирования и присвоения, то есть именно то, что и ставится под вопрос, что и должно быть изменено. Женщины - субъекты феминизма, его инициаторы, его создатели, его движущая сила. Суть перехода от «быть женщиной» к «быть феминисткой» - в схватывании этой субъектности. Мужчины - объекты, предмет анализа, агенты структуры, кото-

© Methuen, 1987.

Перевод Лины Казаювой выполнен по изданию Heath, Stephen. «Mail Feminism», in *Men in Feminism*, Alice Jardine and Paul Smith, eds. (New York and London: Routledge, 1989), p. 1-32.

рая должна быть изменена, представители патриархального порядка и носители патриархальных взглядов; в таком случае, мое желание быть субъектом там, в феминизме, быть феминистом - это просто последний хитроумный маневр в долгой истории колонизации женщин. Что, конечно же, не означает, что я ничего не могу предпринимать в моей жизни, что никакие действия для меня невозможны, что я не могу откликаться на феминизм и изменяться под его влиянием (это было бы вариацией обычного оправдания существующего положения вещей - мужчины есть мужчины, и ничего тут не поделаешь), это просто означает, что я должен, тем не менее, отдавать себе отчет - и это попытка объяснить, а не повторить банальность - что я не нахожусь там, где находятся они, и я не могу притворяться, что нахожусь (хотя мужчины именно так и делают, колонизируя, как они привыкли), в чем и состоит невозможность моих, мужчины, отношений с феминизмом.

Ничего из сказанного выше не содержит предположения критерия буквальности. Женщины не являются феминистками просто в силу того факта, что они женщины: феминизм - это социополитическая реальность, борьба, самоотверженность, преданность идее; феминистками женщины становятся. Говоря проще, их жизненный опыт находится в непосредственной связи с феминизмом, феминизм перерабатывает этот опыт как свой материал, свою энергию, производя из него знания для действия, для изменений. Те противоречия, которые могут существовать между, скажем, опытом женщины в семье, где она выступает в традиционных ролях жены, домохозяйки и матери, которые она может воспринимать как естественные условия своего существования (там она - на самом деле «она»), и тем взглядом на эти роли и эти условия, который предлагает феминизм - эти противоречия, собственно, и составляют суть феминизма, то, на что он ориентируется, то, из чего он исходит, позволяя осуществить указанный переход - от женщины к феминистке. Для мужчины это движение заблокировано, эта связь вдвойне противоречива: его опыт - этот опыт ее угнетения, и в результате любая попытка сближения, которую он предпринимает, заканчивается в итоге открытием именно этого факта - здесь, с него самого и начинается феминизм. Отвергать это противостояние, игнорировать, подавлять, забывать, проецировать на «других мужчин» этот факт - значит для мужчины отрицать феминизм, не слышать, что тот ему говорит, представлять для самоуспокоения возможные отношения вместо того, чтобы пойти по пути трудного, противоречивого, самокритичного, болезненного осознания невозможности отношений - состояния, в котором мужчинам приходится в настоящий момент на самом деле жить.

«Я устала от мужчин, спорящих между собой, кто из них в большей степени феминист, разочарована "прикладным" феминизмом, который становится ставкой в соперничестве мужчин, отказывающихся изучать и понимать сие-

тему своих собственных отношений.» Клэр Паяжковска¹. Перед нами пример реакции феминистки - раздражение, усталость, разочарование. И я согласен с ней. Но каким образом? На дистанции? Конечно, я думаю, что я никогда не боролся за звание «лучшего феминиста» - другие, не я. Тем не менее, я вряд ли могу оставаться на этой дистанции самоуверенным и спокойным, потому что если я могу, тогда, вот именно, феминизм и становится «прикладным» - предметом, по отношению к которому я способен определять свою позицию, как, скажем, по отношению к какой-нибудь академической дисциплине. Но тогда опять-таки, если я принимаю его в себя, в свою жизнь, ставя под вопрос основания моей собственной позиции (в противоположность просто «принимать», как можно понимать и принимать санскрит или деконструкцию), как я могу рефлексировать на его тему, как я могу думать, писать, говорить о-феминизме-с-позиций-феминизма, не возвращаясь вновь и вновь к тому самому мужскому спору, не производя очередную версию «прикладного», общедоступного феминизма для желающих «пожиться»?

Паяжковска предлагает ответ - изучать систему отношений между мужчинами, себя самого в этих отношениях. Любопытно, что она говорит это в статье о порнографии, являющейся откликом на две статьи на эту тему, написанные мужчинами, что напоминает мне реплику еще одной феминистки Б. Руби Рич, и опять-таки в статье о порнографии, что если бы «легионы мужчин-феминистов» на самом деле захотели сделать что-то полезное, найти «надлежащий предмет для своих изысканий», они могли бы предпринять анализ, который помог бы нам понять, почему мужчины любят порнографию (вместо благопристойных рассуждений о том, почему тот или иной исключительный мужчина ее не любит)².

Итак, порнография... Отношения между мужчинами и любовь к порнографии... Тезис о том, что порнография проявляет взаимоотношения между мужчинами и не имеет ничего общего с их отношением к женщинам кроме непосредственно фаллического превращения, где женщины служат условием возможности мужского обмена, в настоящее время является неотъемлемой частью радикальной критической мыслительной традиции; это анализировали и об этом писали неоднократно. Тем не менее, некоторые теоретико-политические проблемы все же остаются: даже если типичная реальность порнографии вполне узнаваема, является ли порнография только ею, существуют ли какие-то различия, которые мы можем обнаружить внутри самой порнографии, разные типы? Вся ли порнография насильственна и оскорбительна? Существуют ли какие-то связи между порнографией и сексуальным освобождением, которые были важными, прогрессивными? Можно ли утверждать, что мужское и женское удовольствие в сексуальных фантазиях тесно связаны с или отдельно-отделимы-от порнографических репрезентаций и каким образом? Обязательно ли порнографические образы, предназначенные для возбуждения мужчин, яв-

ляются воспроизводством отношений господства-подчинения? Что нужно делать с порнографией и как это делать? Должна ли быть объектом изменений порнография как таковая, или они должны производиться с учетом необходимой критики насильственной сексуальной объективации женщин, пронизывающей весь спектр культурных форм, которые воспринимаются социумом как не-порнографические? Все эти и другие проблемы уже не раз обсуждались и обсуждаются женщинами-феминистками (для более полного знакомства с мнением, из которого я позаимствовал приведенные рассуждения, я отсылаю вас к соответствующей главе книги Элизабет Уилсон «Что необходимо сделать в связи с проблемой насилия против женщин?»³).

В данный момент, однако, меня волнует проблема мужского феминизма. Я писал однажды, цитируя фразу, придуманную Робин Морган и используемую в движениях женщин против порнографии: «"Порнография - это теория, изнасилование - практика" - научиться понимать правоту этого утверждения, и понимать ее лично, соотнося со своей собственной жизнью - это политическая и этическая необходимость»⁴. Я действительно верю, что это необходимо - для мужчин: если мужчины на самом деле не поймут этого, не пропустят это сквозь себя, тогда, я думаю, социальная структура сексуального угнетения останется для них абстракцией, а феминизм - пустым звуком, где-то там, за пределами их реальности. Это не означает, конечно, что феминизм можно свести к проблеме порнографии, это означает только, что порнография в наших обществах, капитализированное производство и обращение сексуальных образов женщин как предметов потребления - это красноречивая иллюстрация существующей социальной структуры и существующего в ней угнетения (есть множество других), неважно, считаются эти образы насильственными или нет. «Порнография - это теория, изнасилование - практика» - вот что в точности говорится, и даже если упрек, который не раз звучал - это совершенно незрелая позиция, и понимание феминистских дебатов сквозь призму вышеупомянутых проблем только усложняет и запутывает вопрос, это все равно должно быть сказано, исходя из того, что это необходимо - для мужчин. Хотим ли мы это замалчивать, хотим ли опять уваливать и занимать оборонительную позицию?

Один их способов понять систему отношений между мужчинами, на самом деле, имеет отношение к порнографии в таком аспекте: в какое соучастие в маскулинности вовлекает меня порнография? Имею или не имею я к ней какое-то отношение, в данном контексте абсолютно неважно (нет нужды демонстрировать собственную благопристойность), она имеет отношение ко мне неизбежно не только потому, что я живу в этом обществе, но также потому, что порнография несет в себе представление о сексуальном, предъявляет мне некий заверченный образ сексуального (как я могу отделить себя от этого образа, и разве сама попытка отделения не подтверждает мою связь с ним, его присутствие во мне?). Это же представление наличествует и в теории. После

долгих лет разработки и развития психоанализа Фрейд в конечном итоге напишет: «отрицание женственности должно быть на самом деле биологическим фактом, частью великой загадки пола»⁵. Обрамленный «женственностью», объектом и границей, объяснением и тайной, психоанализ снова и снова возвращается к своим затруднениям, все его прозрения и его тупики сводятся к окончательной усталости Фрейда, мрачному пониманию «отрицания женственности». Порнография в ее типичном современном выражении только этим и занимается: она «поставляет» «женскую сексуальность», которая соответствует отрицанию и подпитывает его. Порнография репрезентирует эту сексуальность как фаллическую - такую, какой она функционирует в маскулинной сексуальной экономике, и женщину как пассивную, слабую, в точности - отдельную, вторую половину, противоположный пол, которого требует эта экономика, подавляя страх отсутствия идентичности мужчины, того, что на самом деле мужчина тоже может быть женственным и пассивным («мужественный» и «женственный» - эти термины, которые Фрейд отвергает как «бесполезные» в психологии, но которые продолжает употреблять, вкладывая в них значения «активный» и «пассивный», и которые он обнаруживает в основе любой - мужской или женской - индивидуальности: мужчины боятся пассивности, женщины завидуют пенису, женственность отрицается). Порнография создана о «мужчинах в совокупности» во всех смыслах: все фигуры в ее системе - мужчины, маскулинность - от начала до конца; ее потребление определяет границы сообщества мужчин; ее цель - моя идентичность как однозначно мужская, совокупная, не затронутая реальными отношениями сексуального различия, которые включают меня в само это различие, в сексуальность, являющуюся гетерогенной, проблематичной, нестабильной, процессом моей индивидуальной истории, а не единого и единственного пола, заданно гетеросексуального. Возвращаясь к теории и к мужскому феминизму, я полагаю, здесь уместно задать следующий вопрос: можно ли сказать, что эта сексуальная система, эта «совместность» всегда находятся под угрозой «быть переигранными»: современная теория как воссоединение мужчин вокруг «женского» (что именно происходит, когда Деррида провозглашает, что он хочет писать «как женщина», и все эти «деконструирующие» профессора уединяются в каком-нибудь традиционно женском пространстве (соблюдая условие «отсутствия места»), чтобы поработать над статьей или книгой, зная, что «не существует никакой истины»⁶?), мужской феминизм, который снова уцепился - в последний ли раз? - за вопрос о женщине (можем ли мы быть уверены, что ушли так уж далеко от обычного интереса культуры к женщине, «освобождению», сексуальному, всем этим культурным формам «восстановления сил»?). Усталость и раздражение Паяжковской могут выступать как противовес усталости Фрейда: отрицание женственности и «прикладной» феминизм, феминизм как самовыражение женщин, который становится для меня предметом изучения, еще один способ по-

лучить ее обратно - по-хорошему - как свою собственную, новый взгляд на старую загадку, опять женщина. Попробуем поставить вопрос так: не существует ли потенциальной возможности, что в мужском феминизме, в мужском отношении к феминизму всегда возникает порнографический эффект?

Я говорю это с трудом, осознавая те противоречия, которые существуют в социальной реальности для мужчин, которые ассоциируют себя с феминизмом. Фрейд настаивал, что общество уходит корнями в мужскую гомосексуальную любовь, именно она сочеталась с совместной работой; женщины закладывали основы цивилизации потребностями своей любви, но в то же время, по его мнению, в дальнейшем оказывали на нее тормозящее и сдерживающее влияние, поскольку они в гораздо меньшей степени, чем мужчины, способны на сублимацию инстинктов. Итак, общество зиждется на союзе мужчин, репрессированной гомосексуальности, а поддерживается в своих патриархальных формах абсолютным разграничением полов: мужчин как мужчин, а затем другого - она как отличное, «темный континент», мужское «неизвестное». Недавно Розалинд Ковард написала, что, на самом деле, это «мужские тела и мужская сексуальность являются "темным континентом" в нашем обществе»⁷. Проблема взаимоотношений мужчин с феминизмом состоит в существовании риска, что феминизм останется для них «мужским делом», дискуссией о женщинах, за которой спрятаны мужские интересы, которая снова и снова уходит, позиционируя женщину как хранителя нашей идентичности, от реальной проблемы, от главного, что с необходимостью должно измениться - от нас самих; конец маскулинности, который, конечно же, означает и конец «женщины» тоже.

«Что знают мужчины о мученичестве женщин? - писал У Теккерей в 1848 году. - Мы сошли бы с ума, если бы нам пришлось претерпевать сотую долю тех ежедневных мучений, которые многие женщины переносят так смиренно. Нескончаемое рабство, не получающее никакой награды; неизменная кротость и ласка, встречаемая столь же неизменной жестокостью; любовь, труд, терпение, заботы - и ни единого доброго слова в награду. Сколько их, что должны переносить все это спокойно и появляться на людях с ясным лицом, словно они ничего не чувствуют! Нежно любящие рабыни, как им приходится лицемерить!»⁸

Сочувствуя и покровительствуя, Теккерей находится в ловушке того отношения и тех практик, которые и создают описываемую им ситуацию. Женщин эксплуатируют, но эта эксплуатация соответствует их природе, они любящие рабыни, но это и делает их женщинами. Все эпитеты, которые использует Теккерей: «нежные», «ласковые», «добрые», «трудолюбивые», «заботливые» - это женские качества, признаки «подлинной женственности», а описанная ситуация - это контекст, в котором эти качества проявляются. Итак, речь здесь идет не об изменении ситуации, но о ее осознании, необходимости понимать тяжесть женского удела и быть благодарными: «доброе слово» в качестве

заслуженной награды за непрерывное служение. Будучи абсолютно искренним в своем сочувствии женщинам, Теккерей находится в плену своего собственного представления о «женском мученичестве»: женская судьба жестока, и он выступает на стороне женщин, чтобы объяснить, в чем заключается эта жестокость, мученичество - это естественное состояние святых, и он здесь, чтобы воспеть святость, подтверждая такую судьбу как единственно возможную.

Теперь мы - и мужчины, и женщины - можем это легко увидеть, оглядываясь на наше прошлое. Но сколь большая часть мужского феминизма не может быть проинтерпретирована как подобный жест сочувствия-подтверждения? Способны ли мужчины это увидеть, с подозрением отнестись к своему сочувствию, задаться вопросом: почему и как я сочувствую женщинам?

Барт сказал в одном из интервью: «мы изучаем только то, чего мы хотим или чего мы боимся». В строго научном смысле я никогда не исследовал ни феминизм, ни феминистскую проблематику (хотя я не уверен, что наличие или отсутствие опыта академической работы в данном случае так уж важно), но я много читал и думал о феминизме, и писал с оглядкой на него, писал о тех же проблемах, которыми озабочен феминизм - половое различие, современное конструирование сексуальности, изображение и репрезентации мужчин и женщин. Желание? Страх? И то, и другое? Этих вопросов трудно избежать. В конце концов, письмо - это всегда изображение и репрезентация меня самого, путь некоего желания: оно занимает определенную позицию и требует, чтобы я был видимым, читаемым тем или иным образом, даже если я не могу контролировать/управлять его эффектами. Конечно же, существуют конвенции и жанры, исключаяющие желание, в таком случае мое письмо как голос правды, разума, науки репрезентирует институализированное господство, мое стремление к нему, к тому, чтобы быть «в форме». Отвечать феминизму означает отказаться от господства: тезис «личное - это политическое» говорит мне, среди прочего, что я не могу уклоняться от анализа своего желания, что безличное превосходство авторитета не может больше являться моим выбором. Не в этот ли момент появляется страх? Феминизм делает вещи небезопасными для мужчин, смещает привычные позиции, разрушает стабильные идентичности. Вот почему в качестве реакции часто возникает отторжение, насилие - это понятно. Но по той же причине - что, скорее всего, менее очевидно - возникает стремление мужчин навстречу феминизму, их сочувствие. Если я приближусь к феминизму, возможно, у меня получится вновь обрести часть женской/мужской стабильности, вернуть что-то от потерянной идентичности. Неужели я пишу из желания-страха, чтобы просто сказать в очередном исследовании: «любите меня», примите меня хотя бы как «скромного бесславного маргинала»? (Что на самом деле является бартовским определением современного влюбленного.)

Желание и страх, по меньшей мере, могут служить чем-то вроде генеалогической пробы для «мужского феминизма», некоего отправного пункта, от которого можно оттолкнуться в мыслях о его проявлениях и последствиях. Думать о сексуальных стратегиях дискурса, субъективности производства знания - не означает сводить только к этому, но просто иметь в виду. Можно было бы, к примеру, рассмотреть с этой точки зрения работы Лакана, предложив заинтересованным в его теории сторонникам и последователям альтернативную точку зрения. С первой же встречи с «женщиной», с ее загадкой (в 1930-х, удивительным образом совпадая с началом фрейдовского возвращения к «женственности», «темному континенту»), Лакан сталкивается с женской паранойей, случаем сестер Папин - темой его диссертации), и до семинара Epcoge и далее (в 1970-х Лакан полностью посвятил себя тому, «что Фрейд намеренно оставил в стороне - Was will das Weib? "Чего хочет женщина?"»⁹) - что мы имеем?

Вопрос, женщина, ее не-существование, ее не-полнота, удовольствие-наслаждение, присущее ей, дополнительность, бытие по ту сторону фаллоса, отнесенное к Богу... и адресация и самоадресация внутрь и вовне, являющиеся в то же время провокативным, Лакан, корректирующий феминисток, воспевающий фаллос, Лакан - «лучшая женщина», которая влюблена в него и в себя, говорящий о самой любви, о наслаждении - ведь только это, по сути, и есть психоанализ... «Если уж разобраться до конца, - сообщает Лакан своим слушателям на одном из семинаров, - я - совершенный истерик, так сказать, истерик без симптомов, за исключением время от времени случающихся ошибок в определении тендера»; далее Лакан приводит пример, как он принял некую «мисс-мадемуазель» за мужчину¹⁰. Мужчина-аналитик, понимающий женщину и говорящий с ее места - это совершенный истерик - без симптомов, сохранивший только ошибки в определении пола, неверность идентификаций, рассматривающий ее со своей позиции, ошибочной, но идеальной - страх, желание, проговаривание любви как утверждение власти. (И где же в результате оказывается использующая методику Лакана женщина-аналитик? Тоже на его месте? Именно так?)

Когда лакановский психоаналитик (женщина) видит молодых людей на нудистском пляже, о чем она думает? «Они [молодые люди] хотят пойти до самого конца, но не существует никакого конца, кроме смерти и кастрации.»¹¹ Наивно, конечно, я понимаю смерть как конец, как последнюю реальность, но кастрация! Факт полового размножения - это тоже факт смерти, продолжение рода за счет индивида, его временности, его смертности. Сказать это, однако, вовсе не означает сказать «кастрация», кастрация как конец, еще одна последняя реальность. Есть много вещей, о которых можно поразмыслить на нудистском пляже, в зависимости от его месторасположения: например, пляжи южной Франции, которые эта психоаналитик, скорее всего, имеет в виду, застав-

ляют задуматься о социальном месте старости и отношении к ней (почему «молодые люди?»), расовом неравенстве (как много представителей французского эмигрантского населения там можно увидеть?), в целом об экономике тела и сексуального. Но кастрация?

«Это невозможно себе представить, - сказала в одном из недавних интервью Джулиет Митчелл, - что происходит, когда вы избавляетесь от концепта фаллоса как центрального и всеопределяющего. Я имею в виду, что одновременно вы избавляетесь от подсознания, от сексуальности, от изначальной психоаналитической точки отсчета».¹² Точно так же, когда на пляже мы сталкиваемся с кастрацией, мы не можем думать без концепта фаллоса как центрального - если бы у нас получилось, это означало бы, что нам удалось избавиться от подсознания и сексуальности. Последнее тесно связано с различием, и с разделением, и с речью, которой наделен индивид, избытком индивида по отношению к просто функции полового размножения, движением желания, которое конституирует этот избыток в наших конкретных историях как говорящих существ. Для психоанализа, который на самом деле открывает перспективу для понимания этой сцены в терминах подсознания и сексуальности, пенис представляет собой возвышенный символ, метку разделения и различия, первичное означающее, основополагающий момент смысла, закольцовывающий вокруг себя бессознательное и сексуальность. И оттуда, из этой точки разыгрывается весь сценарий, вплоть до молодых людей на пляже, никакого другого конца, ... это невозможно себе представить...

Что я могу на это ответить? В качестве первичной психоаналитической реакции - ничего, так как ответить что бы то ни было означает попросту идентифицировать свое сопротивление, защитный рефлекс, отрицание, поскольку фаллос и кастрация предоставляют мне ту самую структуру, в рамках которой я вообще могу говорить. Я могу сказать и попытаться продемонстрировать, что все, что описывается психоанализом в терминах фаллоса и кастрации и других сопутствующих терминах соответствует конкретному социально-историческому определению и производству мужчин, женщин, сексуальности. Я могу сказать и попытаться показать, что сам факт разделения, бессознательное и сексуальное не только зависит по определению от преимущества фаллоса, неизбежно заключенного в тот же старый готовый сценарий (присоединяясь к дебатам о психоанализе и историзме, в которые сама Джулиет Митчелл внесла большой вклад). Теоретическая работа очень ценна и, возможно, я могу в ней помочь. Но что я могу сказать, исходя из опыта моей повседневной жизни - преподавания, разговоров с людьми, просто окружающей обстановки? На самом деле, я обнаруживаю себя постоянно защищающим и одновременно критикующим Фрейда и Лакана, психоанализ в их трактовке, отвергая психоаналитические описания, термины и в то же время испытывая в них потребность. И в этом смысле верно, что кастрация - это финал, окончательная реальность это-

го специфического расщепления, некая точка, к которой в конечном итоге все сводится и из которой, после того, как мы избавимся от центральности концепта фаллоса, это все должно быть промыслено и прожито заново.

Но в таком случае это просто красивые слова и, наверное, еще один способ декларировать невозможность отношений мужчин с феминизмом. Это как если бы психоанализ был чем-то вроде неизбежного тупика, в котором оказываемся мы все - он сообщает истину о конструировании нашей субъективности, предлагает достоверную историю происхождения сексуальной идентичности мужчин и женщин и в то же время осуществляет историческую и социальную цензуру, предлагает заранее известный вывод о центральности концепта фаллоса. Использование этой истины против цензуры женщинами - это одно дело, но мужчины, которые в конечном итоге, и есть эта истина, вряд ли могут использовать эту истину против цензуры, которую они на сегодняшний день определяют и репрезентируют. Я вспоминаю еще одну женщину-психоаналитика, близкую к Лакану и одновременно дистанцирующуюся от него, которая сказала однажды: «Представьте, что это женщина открыла бы бессознательное ... конечно, она никогда не открыла бы такое бессознательное. Невозможно, абсолютно невозможно»¹³. И да и нет? Без сомнения, она никогда не открыла бы такое бессознательное, но бессознательное, которое открыл Фрейд, он так же обнаружил, обнаружил именно эти, определенные структуры и фаллос вместе с ними. Фрейд понимает Дору правильно, так же, как она его, и отсюда начинается конфликт, протест, критика, переосмысление, исходящие, как это только и могло быть, от нее.

Феминизм - это тема (*subject*) для женщин, которые именно и являются его субъектами, теми, кто его создает; феминизм - это их дело. Феминизм также является темой для мужчин, поскольку он имеет к ним очевидное отношение; мужчины должны научиться сделать его своим делом, помочь нам всем включить его в свои жизни. Феминизм говорит со мной, не прямо, не на равных, но говорит и со мной тоже: определения, и образы, и истории, и законы, и институты, подавляющие женщин, которые феминизм ставит под вопрос, которые он пытается изменить или уничтожить, включают и меня - и не только потому, что я играю определенную роль в их воспроизводстве, но и потому, что я тоже нахожусь в их ловушке - являясь «мужчиной» в их представлении, замкнутым в этом пространстве, которое в таком случае репрезентируется как «мое». Я писал об этом, писал на темы, важные для феминизма, например, в книге «Ловушка пола» (*The Sexual Fix*), цитированной выше, по поводу современного конструирования сексуальности мужчин и женщин, или в эссе «Различие» - о психоанализе и сексуальном различии¹⁴. Но я вовсе не думаю и тем более не утверждаю, что эти работы можно отнести к феминистскому письму: они просто были бы невозможны без того, что я почерпнул из феминизма. Это,

как мне кажется, самое большое, что каждый мужчина может сделать на сегодняшний день: учиться, узнавать и пытаться писать, или говорить, или действовать в соответствии с феминизмом и таким образом пытаться ни в каком качестве не быть антифеминистом, не поддерживать старые структуры угнетения. Все остальное, любое утверждение о том, что можно написать феминистскую книгу или быть феминистом - это миф, мужское воображаемое с реальностью подавления и доминирования, стоящей за ним. Но кто я такой, чтобы это утверждать? И в то же время, разве я не могу предложить то, что мне кажется правильным видением этого вопроса, частью современной этики полового различия?

И тогда мне в голову приходит противоположный пример, некоторое доказательство. Разве книга Джона Стюарта Милля «Подчинение женщин» не является очевидно феминистской книгой? Без сомнения. Эта книга, написанная мужчиной, была явно прогрессивной и важной для феминизма, частью его истории; вмешательство Милля в дискуссию о равенстве полов было широко признано женщинами в конце XIX века и позже как «огромный вклад в женское движение в целом»¹⁵. Бесспорно. Но исторически. Сегодня история изменилась, феминизм вырос и развился, и для Милля в нем сейчас нет места.

В любом случае, Милль не намеревался написать феминистскую книгу, «просто» книгу по поводу ситуации с правами женщин. И в любом случае, признание его книги позитивным и эффективным вкладом в феминизм должно учитывать и возможность негативного аспекта: то, что работа Милля была связана с его мужской властью и, вероятно, скрывала труд окружавших его женщин, от действий и мнений которых он зависел, хотя в то же самое время его книга должна была именно их вдохновлять на борьбу. И в любом случае, суть здесь в том, что «занять место» действующего, говорящего и пишущего «по-феминистски» в противоположность женскому «быть феминисткой» - это реальность современных мужчин, которую можно наблюдать в определенных группах (интеллектуалы, радикалы): нечто относящееся к тому, чтобы быть правым и правильным, обретшим авторитет идентичности (и наоборот).

Часто на встречах и дискуссиях, где затрагиваются вопросы, связанные с феминизмом, и где в большинстве присутствуют женщины, можно услышать, как мужчина-участник предваряет свое выступление предисловием типа: «я живу с радикальной феминисткой...» или «я обсуждал это со многими радикально настроенными женщинами...» и другие подобные заявления. За этим, как правило, следует неодобрение чего-либо, выражение реакционной, маску-линно-сексистской позиции. Это, конечно же, одна из версий известного риторического приема «некоторые-мои-друзья-являются...», который используется не только в дебатах о женщинах и феминизме, но и, скажем, в дискуссиях о расе и расизме и т.д.

Для меня, однако, любопытно то, что некоторые из нас научились не говорить такие вещи, поняли, что мы не можем поддерживать свою аргументацию таким образом, что просто потому, что «личное - это политическое», оно не может быть использовано для подтверждения безукоризненности собственной точки зрения и собственной правоты. «Личное - это политическое» означает, что я не могу просто обращаться к своему личному опыту как к своей идентичности, что я должен мыслить эту идентичность в терминах социальных отношений, которые структурируют ее как идентичность, однако многие феминистки, которых я знаю (что, конечно, не позволяет мне считать себя выпавшим из сексистских структур), освобождают меня от ответственности за мою позицию как «мужчины», заведомо предполагающую доминирование и т.д. Угнетение женщин - это не личное, это социальное, и я являюсь его частью как личность в этом социуме и от этого нельзя застраховаться никакими личными гарантиями. Хотя было бы неправильным утверждать, что я не могу пересмотреть свою идентичность по отношению к этим структурам, подобная позиция в конечном итоге и является той работой, которую делают женщины в феминизме, сопротивляясь готовым определениям и формам, пересматривая свою идентичность.

В таком случае, где же я нахожусь, когда слышу «Я живу с такой-то., и т.д.»? Где-то в другом месте. Я знаю лучше. Но знаю ли я? И действительно ли я знаю что-то другое? Проблема опять-таки в гарантиях: верить, что я нахожусь где-то еще и что я знаю лучше, означает призыв к персональному отличию и предполагает авторизацию. Но что могло бы выступить в роли последней? Конечно, женский дискурс (еще одна разновидность личной гарантии) не может рассматриваться как заведомо феминистский только потому, что говорят женщины (ведь существуют очень реакционно и антифеминистски настроенные женщины), но эта связь между личным опытом и дискурсом может служить для женщин неким политическим активом, предметом политического торга - их позиция как объектов угнетения, неравенства и сексизма учитывается. Лишенный такого актива, я нахожусь в двойной ловушке своей позиции и дискурса, который на сегодняшний день всегда является отражением доминирования мужского социального порядка. Всякий раз, когда я думаю, что я знаю, дело обстоит как раз наоборот, и я должен принять эту перманентную неуверенность, конец авторитетов и авторизации, чтобы пережить сложный и противоречивый процесс пересмотра своей идентичности, в правильности течения которого я никогда до конца не могу быть уверен (неважно, насколько уверенным я могу попытаться выглядеть и что я буду приводить в качестве доказательств). Мне следует также остерегаться превращения этого затруднения и этой неуверенности в некую экзистенциальную трагедию («для мужчин настали трудные времена» - проблема, которую очень любят обсуждать популярные журналы); это просто политический факт - ни больше, ни меньше.

К сентенции «я живу с...» можно также добавить часто встречающееся стремление мужчин быть более радикальными, самыми радикальными в феминизме. Принцип тот же - эпитеты «более» и «самый» как гарантия, доказательство правоты. За исключением того, что, конечно же, они ничего не доказывают, экстремальная риторика просто уничтожает опыт, который она претендует представлять (как мужчины обычно и делали и делают). Таким образом, слово «радикальные» в предыдущем предложении должно быть взято в кавычки, поскольку в данном случае «радикальные» означает буквально реакцию, реакцию мужчин на новую реальность женщин и феминизма, которую они отрицают в тот самый момент, когда пытаются говорить от имени этого феминизма и этих женщин.

В лекции, прочитанной несколько лет назад на просуществовавшем недолго Альтернативном факультете английского языка и литературы в Кембридже (впоследствии эта лекция стала частью главы его книги «Вальтер Беньянин, или по направлению к революционной критике»), Терри Иглтон, после того как он кратко очертил основные проблемы марксистской эстетики и привел список «ведущих последователей марксистской эстетики XX века» от Лу-кача до себя самого, обратился к феминистской критике как «к парадигме» для «революционной литературной критики», сделав следующее «замечание» (*reservation*)* ■ «Феминистская критика все еще остается заметно недоразвитой, значительная ее часть по-прежнему является эмпирической, недостаточно глубокой и теоретически слабой»¹⁶. Я полагаю, что это вызвало ропот недовольства в аудитории, было высказано нечто весьма дерзкое, но осталась и невыраженная ярость.

«Замечание» - очень любопытное слово в данном контексте: заведомо выгодная позиция человека судящего с высоты своего положения, голос - одобряющий, но предостерегающий; намек на то, что нужно знать свое место, дается вполне ясно, феминистская критика отправлена обратно в свою «резервацию», и затем - в подтверждение своей позиции - этот голос сохраняет за собой свои права даже когда он вторгается в «резервацию», наблюдая феминистскую критику в границах ее собственного пространства. И, конечно, «феминистская литературная теория» в глазах Иглтона - это именно теоретическая проблема. Его взгляд со стороны выражает беспокойство наблюдателя по поводу специфичности и автономности, по поводу того, способны ли люди в резервации произвести хоть какое-нибудь новое теоретическое знание с учетом того, насколько они зависят от других «генеральных теорий» («наиболее явно - от

* Для правильного понимания смысла следующего абзаца необходимо учитывать, что слово *reservation* по-английски означает и «замечание, оговорка», и «резервация» {Примечание переводчика}.

марксизма, семиотики, психоанализа): «Существует, в таком случае, теоретическая проблема значения понятия "феминистская литературная теория" любого типа». Не отрицая при этом существования также и политической проблемы, из разряда «"радикально-феминистской" проблематики», «ревностной защиты феминистской "автономии" - сепаратизма в реальности», являющейся «скандалом, который должен быть, несомненно, осужден любым революционно настроенным человеком - неважно, мужчиной или женщиной». Итак, обнаруживается, что феминизму не хватает автономии в теории, что является его поражением, но, когда ему удастся достичь независимости на практике, это становится его поражением, настоящим скандалом (и кавычки только подчеркивают их позицию и нападки этой «феминистской "автономии"»).

Может ли все это быть совершенно не актуальным? Предположим, что мы оставим в стороне суждения об автономности, специфичности и т.п., перестанем оценивать феминистскую теорию с этой точки зрения, признав ее как сугубо безоговорочную, не слишком озабоченную тем, как она вписывается в общий теоретический спектакль. Теория, как известно, этимологически происходит от спектакля - (греческое слово *theoria* означает «наблюдение», «созерцание») - и женщины долгое время были эффективно исключены из этого спектакля, присутствуя разве что в качестве «голоса на расстоянии» (как «женщина из Мантиней по имени Диотима», к которой Сократ обращается в «Пире» в своей пространной речи о любви¹⁷). Возможно, теория - не теоретизирование, а именно теория со всеми ее «замечаниями» - является сегодня мужским актом, мужским способом доказательства, самосохранения - господствующей резервацией (Иригарэ пишет об этом и доказывает это в своих работах, в ответ на что снова и снова звучат обвинения в «иррационализме»¹⁸). И в таком случае что же делают мужчины, когда они переводят свой взгляд с теории на практику, спектакль, менее поддающийся контролю, и яростно выступают в своих книгах против «феминистской "автономии"», которую, как выразился Иглтон, любая революционно настроенная женщина должна осуждать? Но разве независимость женщин не является сутью феминизма, и разве определение условий этой независимости не есть главный вопрос для женщин? Разве это полезно, приемлемо, по-феминистски для мужчин - судить феминизм и его теоретические разработки, размахивая лозунгами с надуманными стандартами о независимости в одной руке и требованием отказа от нее - в другой?

Ничто из написанного здесь не преследует цель показаться умнее или превзойти Терри Иглтона (которому я как своему учителю в любом случае очень многим обязан), даже если, анализируя его текст, я не могу - не знаю как - избавиться от этого маскулинного образа - образа поучающего, не терпящего возражений превосходства. Если рассуждать в терминах «теории» и «замечаний», иглтоновское «теоретически слабая», возможно, и верно, как он считает. Я считаю иначе: что если мы выйдем за рамки «теории» и «замечаний», перестанем ждать момен-

та, когда можно будет убедиться, что «феминистская литературная критика имеет какой-то смысл сама по себе» (почему мы ждем того, чтобы в этом убедиться, и должны ли женщины тоже ждать?), мы обнаружим целый спектр работ, написанных феминистками (Иригарэ, и Спивак, и Бовеншен, и Ковард, и... хотя суть не в том, чтобы предложить аналог составленного Иглтоном списка «крупнейших теоретиков в области марксистской эстетики»), которые способны высказать суждение о «теоретической слабости» просто как жест реакции и сопротивления (какая разница, что эти работы не соответствуют чьим-то представлениям о том, какой должна быть «феминистская литературная теория как таковая»). Иглтон знает все это лучше, чем я, но в результате он занимает свою позицию, а я занимаю свою, и в этой дислокации я снова чувствую сложность, конфликт, невозможность близости мужчин к феминизму.

Я ощущаю себя неловко - нечто вроде критического дискомфорта - читая тексты мужчин о женской сексуальности: как могут они..., неужели он до сих пор предполагает...? Но потом я думаю о противоположной ситуации: женщина, пишущая о мужской сексуальности, Кейт Миллет в «Сексуальной политике», например, или тексты о порнографии Андреа Дворкин, Анжелы Картер, Сьюзан Гриффин и многих других. Я думаю, что они знают, что Она знает что-то принципиально важное о мужской сексуальности, что кажется мне очевидным. Я учусь у них. Таким образом, возвращаясь к исходной посылке, мужчины могут писать о женской сексуальности, и женщины тоже могут узнать что-то из этих текстов.

Я в нерешительности, я чувствую неловкость... Все эти попытки рассмотреть обратную ситуацию были бы замечательны, если бы не тот факт, что две стороны никогда не бывают равными и симметричными, они попросту неодинаковы. И это можно увидеть в самой идее женской сексуальности, ее сконструированности как темы, предмета, о котором можно писать. Возьмем Фрейда: эссе под названием «Женская сексуальность», но никакого эссе под названием «Мужская сексуальность»; глава в «Новых лекциях по введению в психоанализ» о «Фемининности», но никакой главы о «Маскулинности». Конечно, Фрейд везде пишет о мужчинах и сексуальности, о мужской сексуальности, но это норма, отправной пункт, сам по себе - не проблематичный, не вызывающий вопросов и который нет необходимости ставить под вопрос. Когда женщины, окружавшие Фрейда, писали о женской сексуальности (Андреас-Саломе, Бонапарт, Дойч, Хорни...) подчас с вызовом, они тоже находились в ловушке его постановки этого вопроса, как позже у Лакана, с высокомерным презрением ждущего, что женщины напишут хоть что-то заслуживающее внимания: «с тех пор мы умоляем их, умоляем на коленях - я имею в виду женщин-аналитиков - попытаться сказать нам что-нибудь... - и что в результате? - ни слова! Ни разу не получилось вытянуть из них хоть что-то»¹⁹. Он прав. Они не

могут сказать ничего интересного. Но как могут они сказать, когда все, чего от них ждут - это ответ на этот вопрос, который всегда находится за пределами всего того, что они могут сказать или ответить, поскольку этот вопрос - сам факт их существования, они и есть этот вопрос. Женская сексуальность здесь - это мужская сексуальность, мужская позиция и проблема: женщина как мой друг, как означивающая граница - «jouissance по ту сторону», как говорят лаканианцы - моего горизонта как мужчины.

В общепринятой системе сексуальности, которая была доведена до совершенства в 19 веке и которая до сих пор в очень большой степени и во многих смыслах определяет нашу жизнь, мужская сексуальность трактуется как повтор, женская - как вопрос, сомнение (тьма, загадка, проблема и т.п.). По поводу первого трудно что-то сказать, поскольку и сказать-то нечего, за исключением нескольких описаний сексуальных техник, парочки моральных норм или стандартных похвал. По поводу второго сказать тоже нечего, поскольку женщины есть женщины, женщина - различие в системе, так что сказать можно все что угодно, она - это слишком много, слишком сложно, чтобы узнать, и вот здесь-то женская сексуальность и становится объектом, темой, заголовком научного труда, названием главы в книге. Мы пребываем на долгом этапе исторического развития - от 19 века до настоящего момента, когда самоочевидность пола (женщины, мужчины, сексуального акта, репродукции) начинает слабеть, когда «сексуальность» - это термин, за которым стоит осознание того, что понятия «пол», «пол человека», «два пола» уже не способны прояснить для нас многое в сексуальной идентичности, в маскулинности и фемининности, в том, что это значит - быть мужчиной или женщиной. Отсюда - усложнение системы, определения и переопределения, нервное конструирование «женской сексуальности», все эти тексты; отсюда - постоянное сведение сексуальности к полу, к фаллической идентичности мужчин и женщин, фиксация на поле.

В определенном смысле женская сексуальность - это плохой вопрос плохой истории, и при этом необходимый - для женщин, сопротивляющихся этой истории, вторгающихся в ее монолитный нарратив (я просматриваю феминистскую антологию «Желание: политики сексуальности», ни одна часть в ней не названа «Женская сексуальность» или «Женственность», как будто бы исследования сексуальности для женщин уже переместились куда-то в другое место в этой системе²⁰). В то же время «мужская сексуальность» - это хороший вопрос плохой истории, который она так и не смогла задать, неизбежный вопрос для женщин, для Миллет, для всех, кто пишет о порнографии, для тех, кто пишет об изнасилованиях, о домашнем насилии и обо всех других вопросах, связанных с угнетением. Вместо того чтобы на коленях умолять женщин молчаливо доказывать их фаллическую друговость, мы можем прислушаться к тому, что они говорят о нас, о мужской сексуальности, о мужском управлении сексуальным в наших обществах.

Это не означает, что мужчины не должны говорить о женщинах и сексуальности и не могут сказать об этом ничего важного, правдивого и «не репрессирующего»: в конце концов, мужской опыт является частью сексуальности многих женщин, и мужчины могут понимать некоторые вещи по-другому, точно так же, как женщины могут понимать их по-другому по поводу мужской сексуальности. Однако в настоящий момент в наших обществах, в нашей истории сексуальности я сомневаюсь, что мужчины, что мы на это способны. Нет равенства, нет симметрии, а стало быть, невозможно и реверсирование: сейчас это дело женщин - исправлять и переозначивать область сексуальности, а наше дело - у них учиться. Что и объясняет неловкость, тот дискомфорт, о котором я говорил вначале.

На встрече в лакановской школе женщина-аналитик говорит следующее: «Суть женственности - быть причиной мужского желания, и, как следствие, невозможность быть распознанной иначе, чем посредством мужчины, есть суть женственности. Я знаю, что этим заявлением я очень разозлю активистокМии⁷ [*Women's Liberation Movement*], но я продолжу.. »²¹.

Разозлятся или не разозлятся феминистки - будет, я полагаю, зависеть от того, какой смысл вкладывается в слово «женственность». Если речь идет о «женственности» как сконструированном образе женщин, образе, в котором они узнаваемы и удерживаемы как «женщины», тогда сказанное - это просто трюизм: мужское желание настроено на этот конструкт «женственности», которому женщин заставляют соответствовать и который именно потому и существует, что он узнаваем мужчинами. В этом смысле на самом деле необходим мужчина, чтобы узнать женщину, поскольку она есть женственность в его понимании, его видении, вершина его воображения - «настоящая женщина». Если речь идет о другом, о женственности в ее связи с реальностью и женским опытом, опытом бытия женщиной, тогда то, что говорится, может вызвать гнев, политическую критику, осуждение феминисток.

Возможно, правильным решением было бы вычеркнуть «женское» и «женственность» из словаря, прекратить использовать эти слова; они слишком нагружены образом, конструкцией, монопольной мужской дефиницией «качеств» женщин-женщины. Но это не относится к словам «мужское» и «маскулинность», которые могут быть использованы всякий раз, чтобы назвать элементы системы, которые укрепляют доминирование мужчин. «Женственное», произведенное в этой системе - это болезнь мужчины: он страдает из-за женщины, отсюда его бесконечные попытки определить ее как болезнь (возьмем знаменующее весь 19 век связывание женщины и болезни «для ее же блага»). «Женственность» - это женщина, которую вы хотите, перед которой испытываете страх; «мужественность» - в точности то же самое.

Иногда сексологи обращаются к нам с просьбой учитывать и помнить условия сексуального обмена и права собственности в нем: «Знаете ли вы, что в то время как пенис анатомически бесспорно принадлежит мужчине, его эрекция принадлежит женщине?»²²

Практически все может быть раскритиковано в этом самоуверенном -А знаете ли Вы? - вопросе, от его шаткой грамматической логики (например, из приведенного примера мы можем заключить, что эрекция принадлежит женщине анатомически) до его однозначной гетеросексуальности (почему эрекция не может принадлежать ему самому, или другому мужчине, или, если уж продолжать в том же ключе, никому вообще конкретно?). Но меня здесь интересует понятие принадлежности. Если я понимаю это так, что в данном случае не имеется в виду анатомическая принадлежность, в каком тогда смысле эрекция «принадлежит» женщине? То огромное преимущество, которое, казалось бы, заключено для женщин в этом «владении», мнимо, поскольку на самом деле, конечно же, справедливо обратное - это она принадлежит его эрекции: если есть эрекция, то должна быть «женщина», она является естественным следствием эрекции, она должна быть где-то рядом со своим «владением» - чего в конце концов хочет женщина? На каком-то очень глубоком уровне в основе этого оптимистичного утверждения сексологов лежит философия изнасилования: его эрекция принадлежит женщине, значит, она должна хотеть этой эрекции, должна хотеть добиться ее и т.д.

Возможно, существуют и другие способы помыслить принадлежность. Вот что пишет Мишель Монтрелэй: «В сексуальном акте пенис погружается в *feminine jouissance*, о котором мы уже больше не знаем, кому оно принадлежит»²³. Я не уверен, что использованное здесь слово «мы» подразумевает и мужчин, и женщин (является ли опыт не знания больше одним и тем же для женщины и для мужчины?) и под «сексуальным актом» опять-таки подразумевается гетеросексуальный контакт (как вопрос «принадлежности» может быть включен - и должен ли он быть включен - в отношения между двумя мужчинами? между двумя женщинами?), но я могу признать то, что она описывает как истинное, возможно истинное (как версию сексуального акта). Монтрелэй пишет также о мужчине как «сыне своей матери в таком качестве участвующем в ее женственности». И я, опять же, могу признать то, о чем она говорит, несмотря на трудности с «женственностью», могу схватить это как опыт, ее способ говорить о нестабильности, разрушении фаллических идентичностей, на которых покоится дискурс «принадлежности» (заметьте, как сексологи сводят все к пенису и эрекции).

«Принадлежность» -это мужская проблема в существующей системе «мужчин» и «женщин», «маскулинности» и «фемининности», это навязчивая идея в процессе моей идентификации как мужчины - все разложить по местам, знать, где я и что я имею, и где она и чего она не имеет. Возьмем, например,

Д.Х. Лоуренса, философа-первопроходца, профессора- проповедника системы: все эти размышления о том, как сохранить мужчину и женщину в чистоте, о мужском и женском предназначении, раздумья по поводу сексуального акта -как посредством этого акта привести мужчину к осознанию своей самости и единичности - и о необходимой для достижения такого результата пассивности «принадлежащей» женщины, предъявляющей права на эрекцию мужчины, как на объект своего владения. Конечно, мы прогрессируем, возьмите любой фильм или книгу, например, «Богатых и знаменитых», фильм, в котором Лоуренс назван «сексуальным пилотом-испытателем в ожидании вылета». В этом фильме Крис (Харт Бочнер), молодой журналист «Роллинг Стоун» заявляет: «Я не люблю девушек моего возраста, они заботятся только о своем оргазме»; в ответ Лиз (Жаклин Биссет), пожилая писательница спрашивает: «Ну и что?»; Крис: «Они должны были бы заботиться о нашем». Подумаешь, большое дело, опять «принадлежность», она со мной. Конечно, некоторые из нас добились большего прогресса, возьмите например... А что именно мы можем взять? И добились ли мы на самом деле? Так ли уж сильно изменились отношения мужчин с феминизмом, с сексуальным, с понятием «принадлежности»? До какой степени мужчины используют феминизм для гарантии своей идентичности, осуществляя теперь запрос на «принадлежность» как способ подтверждения, по крайней мере, своей Закрепленности, позиция, которая привязывает ее ко мне еще сильнее.

Я могу признать то, что описывает Монтрелэй, то, о чем она говорит, но она подходит с другой стороны, нежели сексологи, которые подходят с моей стороны, - из мужской посылки. Она - утопична по поводу возможности сторон смешаться и исчезнуть, избежать принадлежности; они - реалистичны, в рамках реальности системы, которую они воспроизводят и таким образом поддерживают, системы принадлежности. Мужской феминизм находится между ними, опять-таки в ситуации невозможности: с одной стороны, это долгий путь к выходу, с другой - приближение к той современной реальности, которой и противостоит феминизм, пытаюсь ее изменить.

«Чего хочет женщина?» - спросил Фрейд -то ли всерьез, то ли в шутку -и поспешно предложил старые ответы: она хочет быть мужчиной (завись к пенису), быть женщиной (вагинальный оргазм и желание иметь ребенка в качестве компенсации за отсутствующий пенис); и старую проблему - «загадку природы женского», над которой «люди ломают головы на протяжении всей истории». Фрейд не был единственным, кто задавался этим вопросом, он просто сумел дать ему самую известную и убедительную формулировку (и эта убедительность обусловлена тем, что психоанализ, несмотря ни на что, внес очень весомый вклад в исследование и понимание сексуальности, сложной индивидуальной истории пола, тендера и идентичности). Проблема «женщи-

ны» была одной из главных тем 19 века - ее важность возрастала прямо пропорционально тому, как женщины становились проблемой, когда они начали ставить под вопрос институции, устанавливающие их существование и угнетение как «женщин», «женственности», «ласковых, услужливых королев», которых Раскин, защищаясь, восхваляет в «Сезаме и лилиях» (защищаясь из-за вызова: «мы слышим отовсюду о миссии и о правах Женщины...»). Бодлер знал ответ на этот вопрос: «У женщины течка, и она хочет, чтобы ее трахнули». Фрейд знал из психоанализа, что он, на самом деле, не знает ответа, отсюда возвращение к загадке, тревоге вопроса. Тревога, которая в любом случае уже заложена в самом факте возникновения вопроса. Бодлер защищался, как и Раскин. Признаки усиления ненависти и презрения к идеям эмансипации женщин, их требованиям самоопределения, карьеры, в начале 20 века можно обнаружить, например, в ранней поэзии Т. С. Элиота или в книге «Пол и характер» Отто Вейнингера (Фрейд прерывает обсуждение случая маленького Ганса, чтобы дать комментарии по поводу кастрационного комплекса как одновременно «самой глубокой бессознательной причины антисемитизма» - еврей «отрезает что-то от своего пениса», и мощного «бессознательного источника чувства превосходства над женщиной», далее цитируется книга Вейнингера как пример, подтверждающий эту связь, эту двойную враждебность. Возможно, позже Фрейд мог бы также процитировать поэзию Элиота, антисемитские элементы которой часто отмечались критиками).

Теперь мы узнали еще один вопрос, научились переходить от вопроса «Чего хочет женщина?» к вопросу «Чего хотят женщины?» И мы знаем, по крайней мере, теоретически, что наша задача не отвечать на этот вопрос, а слушать ответ. Тем не менее, новый вопрос не так уж далеко ушел от старого - это долгий путь от «а» до «ы» и в то же время это не так уж далеко. Мы знаем, что нет никакой «женской сущности», женщины как сущности (но нужно ли нам это знать? не является ли это отрицанием чего-то важного, реального различия, на которое нам в таком случае удается закрыть глаза), мы знаем, что многообразие важно, живые женщины представляют собой многообразие, не отвечающее нашим представлениям и установкам о «фемининности» и «маскулинности» (но должны ли мы это знать, возможно, нам следует также знать, что множественность - это единая сила, женское движение?). Мы знаем так много... Но во всем этом женщины все равно остаются вещью, которую мы имеем и которая вызывает у нас вопросы; возможно, до тех пор, пока мы задаемся этими вопросами, думаем таким образом - слишком просто, слишком просто, чтобы знать, может быть, мы упускаем тот момент, когда право задавать этот вопрос уже больше нам не принадлежит, может быть, если бы мы на самом деле слушали, то, что мы услышали бы, положило бы конец нашим вопросам, *нашим* вопросам.

Есть, однако, для нас вопрос поинтереснее, конкретно он задается «мужчинам-критикам» и «феминистской критике», но, думаю, правомерно будет расширить эти понятия до «мужчин» и «феминизма»: «Почему мужчины-критики в поисках оснований находят свою последнюю надежду в феминистской критике?» Потому что... женщины были мужской проблемой, основным вопросом, и историческая реальность литературы и теории в последние сто пятьдесят лет была неразрывно связана с ним, проблематика сексуальности и сексуальной идентичности, в которой давление борьбы женщин против навязанных им определений и репрезентаций было причиной мужского беспокойства по поводу этого вопроса и обеспечило современных мужчин территорией, которую они могут постепенно и эффективно оккупировать, основанием и последней надеждой. Потому что... эффекты феминизма в академии с развитием женских исследований и общей осведомленностью о необходимости учитывать женщин и их представительство привело к ситуации, в которой «вещи, имеющие отношение к женщинам» приветствуются (конечно, до определенной степени, и конечно, с существенной разницей между конкретными учебными заведениями, а далее - между конкретными факультетами и кафедрами), если даже не принимаются как область интересов, потенциальных исследований, дающих мужчинам возможность сделать радикальный жест не слишком дорогой ценой, более-менее в рамках границ, которые академия уже расширила и переустановила. В этом смысле (я подчеркиваю, в этом смысле), феминизм (здесь необходимо рассматривать феминизм как область деятельности, поле интересов) доступен для белых мужчин в наших западных университетах и может легко стать частью их профессии; проблемы расы и класса намного более сложные и намного более «отсутствующие» («отсутствующие» в данном случае означает - не признанные в границах академии, остающиеся непроговоренными и непроговариваемыми). В той степени, в которой этим занимаются критики-мужчины, на самом деле слияние в академии некоторой части феминистской критики с французскими философскими теориями - деконструкцией и т.д., оказалось очень полезным, особенно в США: я могу заниматься постструктурализмом, дерридаизмом, лаканианизмом и феминизмом -этой гарантированно радикальной смесью - целую вечность, пока не случится второе пришествие, если оно вообще случится. И не то чтобы это ироническое отношение позволяет мне оставаться вне критики - ведь я сам до некоторой степени принимаю в этом участие, и каким бы далеким от этого я себя не ощущал, я не могу себе позволить не отдавать каждую минуту отчет в том постоянном соучастии, которое все равно происходит, как бы я ни старался сохранить свою обособленность... Потому что у мужчин есть социально-сексуальная ставка на феминизм, на то, чтобы быть в него включенными. Я не имею в виду, что об их отношениях с феминизмом можно просто и однозначно сказать, что они являются социально-сексуальной стратегией, «интересом»

такого рода, но необходимо также отдавать себе отчет в том, что в существующих обстоятельствах это отношение не может быть волшебным образом освобождено от заданного позиционирования мужчины/женщины, от общей ситуации в отношениях мужчин и женщин. Потому что... Но все это только мое изложение ответа, уже предложенного Гайатри Спивак на поставленный ею и обсуждаемый здесь вопрос: «Возможно, потому, что в отличие от ситуации с расой и с классом, по поводу которых люди в академии тебя не очень-то будут слушать, борьба женщин - это именно то, что они могут «поддерживать изнутри». Феминизм в его академической форме доступен власть имущим мужчинам, и они могут его корректировать»²⁴.

Барт: «Трудность не в том, чтобы освободить сексуальность по какому-нибудь более или менее анархическому проекту, а в том, чтобы избавить ее от смысла, включая и такой смысл, как трансгрессия»; Тилли Олсен: давайте зададимся «вопросом о месте, пропорции, реальной значимости сексуальности в наших (теперь) более долгих, более разнообразных женских жизнях» (и, я полагаю, мы можем добавить сюда же и мужчин, «женских и мужских жизнях», даже если вопрос бы тогда звучал по-другому). (Я думаю, мы можем распознать и в Барте, и в Олсен представителей Запада, относящихся к классу тех, чья жизнь продолжительнее и разнообразнее, чем у других: кто же еще может позволить себе рассуждать таким образом о сексуальности?)²⁵

Существует странная спираль эффектов и обратные эффекты по поводу «сексуальности», которые определяют нашу жизнь («нашу» -это, конечно, не всех нас). Концептуализирование и осмысление сексуальности, расширение границ «сексуального» за пределы понимания его просто как «сексуального акта» (понимание, например, Маркса в тот момент, когда его дочь Элеонор переводила один из величайших документов в истории воздействия на эти границы - «Мадам Бовари» Флобера) - явления, безусловно, освобождающие; наши жизни изменились. В то же время эта сексуальность (и здесь марксовы термины нам подходят) превратилась в предмет потребления, в фетиш сексуального обмена, с гиперобъективацией женщины в круге «удовольствия», осуществляемой во всех областях - от сексологии до рекламы, что было и является превращением процесса «освобождения» в идеологический приказ к «освобождению». Сексуальность, как мы теперь понимаем, тесно связана с языком и репрезентацией, историей конструирования индивидом своей осмысленной идентичности; она есть сложное движение желания. И опять-таки, наши общества производят сексуальность как смысл, в том числе как смысл феминизма (в такой трактовке эквивалентного «сексуальному освобождению» и являющимся его частью), как некую природно-сущностную основу - «вот о чем на самом деле идет речь», что возвращает нас к очередной версии «сексуального акта»: равные возможности, вознаграждение в виде оргазма, женщины и мужчины,

богатые и знаменитые... Сексуальные политики? Это просто. Мы знаем, что это значит. Отсюда бартовская «необходимость освободить сексуальность от смысла», отсюда «необходимость поставить под вопрос ее место в нашей жизни» Тилли Олсен.

Это психоанализу мы в самой большой степени обязаны за концептуализацию и осмысление сексуальности (психоанализ, который начался с Фрейда в тот момент, когда озабоченность проблемами пола, существующими отношениями между полами и протест женщин против этих отношений достигай критической точки; момент, современники которого были также свидетелями зарождения сексологии в текстах таких авторов, как Крафт Эбинг и Хэвелок Эллис). «Великая загадка биологического факта дуализма полов» - безусловно, но Фрейд слышит, находит, изучает артикуляцию секса и сексуальности в процессе конструирования человеческой субъективности, сложной и хрупкой физической реальности. Главное, что должно быть проартикулировано, - конечно же, бессознательное. «Реальность бессознательного сексуальна» - говорит Лакан, но это «сексуальное» не закреплено в границах тела и не является просто отражением или выражением его состояний; бессознательное «вздорно», оно завладевает телом и размечает его, определяет мою сексуальность, которая в таком случае не является предзаданным содержанием, но - именно - процессом, историей.

В итоге, однако, все не так уж просто. Даже если психоаналитическая сексуальность не имеет ничего общего с сексологией и «сексуальным актом» («это не его территория», - настаивает Лакан²⁶), она все равно не может быть просто оторвана от сексуального, дуализма полов, загадки Фрейда, мужского и женского. Анатомия, конечно, не судьба, но в то же время нельзя сказать, что она вообще не имеет значения - это то, что все время пытался сказать Фрейд, чем он не переставал интересоваться и на чем все время запинался, это знает и Лакан с его все определяющими фаллосом и кастрацией, неважно, насколько символически сублимированными должны быть эти связи. Психоанализ, и это в том числе определяет его огромную ценность, на самом деле непосредственно связан со всеми проблемами человеческих отношений, перехлестами и разрывами между сексуальным как мужским и женским - необходимым для полового размножения, и историей индивида как говорящего существа, которое определено как «мужчина» или «женщина» и произведено в определенной системе «маскулинного» и «фемининного», его бессознательным желанием. «Три эссе по теории сексуальности» представляют собой сложную историю о развитии соответствия и несоответствия сексуального и сексуальности от младенчества до взрослых лет. Исследуемые случаи - Дора и Человек-Крыса, Человек-Волк и Шребер (маленький Ганс слишком запрограммирован на соответствие норме, ребенок был слишком мал, чтобы соответствовать необходимому сценарию), это истории-романы о множественной, сложной, неоднородной комбинации сексуальности и сексуальной идентичности.

Одна из наиболее интересных вещей в наследии Фрейда -то, что он признает сексуальное различие, и для начала - различие между мужчинами и женщинами. До Фрейда (я упрощаю, можно, конечно, найти исключения, какие-то предчувствия, фрагменты и осколки иного отношения) женщины были женщинами, отличными от мужчин, потенциально вызывающими беспокойство, нуждающимися в контроле, но женщинами, женщиной, это было понятно. С работами Фрейда приходит понимание, что на самом деле они уже не те, они вышли из образа своей привычной идентичности как отличия (она отражает мою идентичность посредством того, что я знаю, что она отличается от меня, поскольку она женщина, моя женщина, мой образ), и тревога растет и крепнет (я тоже теперь вызываю беспокойство, я больше не идентичен сам себе, я больше не являюсь «несомненно мужчиной»). Бессознательное разрушает все это, и сексуальность, как она понимается после открытия бессознательного, освобождает женщин от сексуального: они именно и перестают быть просто «женщиной», органами, репродукцией, биологией. На этих руинах Фрейд снова начинает с вопроса различия, сексуально-сексуальности, мужских и женских историй, замечая, например, что мы должны отбросить все ожидания «каких-либо параллелей в сексуальном развитии женщин и мужчин», фиксируя свое впечатление, «что любовь мужчины и любовь женщины разделяются психологическим различием фаз»²⁷. Фрейд приходит к принципу «дополнительности»: один для другого, синдром Адама и Евы, она создана для него, «четко разделенные две половины», как определяет это Джон Апдайк в романе под названием... «Давай поженимся».

Лакан в своих семинарах постоянно настаивает на том, что нет никаких сексуальных отношений, что это является базовым принципом, реальностью анализа: «Реальное - единственный результат анализа, к которому следует стремиться. Реальное состоит в том, что сексуальных отношений не существует»²⁸. Кто будет относиться к кому? Индивидуальный человеческий субъект, пойманный в ловушку значений и репрезентаций? Движение его или ее желание не может быть сведено к человеку в акте его отношений с каким-то другим человеком: разделение, избыток, бессознательное протекает через и навстречу ему (ей), то, что я есть единый, законченный, зафиксированный, просто присутствующий здесь и сейчас, один из пары - это миф, воображаемое. «Единственный человек, с которым индивид хочет вступить в сексуальные отношения - это его мать.»²⁹ Я думаю, эта формулировка типично упрощенная (как это часто встречается в психоанализе, она не допускает изменения, какой-либо дифференциации: хотеть вступить в отношения с кем-либо означает хотеть вступить в отношения со своей матерью), но она демонстрирует, что отношения всегда проблематичны, что человек никогда не является «самим собой», а принадлежность к какому-либо объекту не есть автоматическое следствие страстного влечения к нему, что субъект никогда не бывает целостным.

Сексуальных отношений не существует, потому что привычная схема диспозиции двух полов - неправильная, есть один пол и другой пол на обеих сторонах «отношений» (неважно, отношения это мужчины и женщины, женщины и женщины или мужчины и мужчины). Я - это всегда мои или твои Я и другой, или, как в работах Лакана, Я и Другой - символический Другой как причина расколотой, фрагментированной идентичности субъекта. Отношения, идея отношений, базируется на существовании воображаемого другого, который должен дополнить меня как субъекта, скомпенсировать фрагментарность, остановить процесс утраты идентичности. Женщины были репрезентированы и «удерживаемы» в рамках концепта «женщина», чтобы служить этим другим, и потом, когда под давлением реальных женщин, устрашающих, ненавидимых и подвергающихся нападкам, воображаемый другой «женщины» терпит поражение и его идентичность ставится под вопрос, в этот момент она оказывается перенесенной в сферу символического Другого, где она уже представлена как сокровенная, радикальная чуждость, обратная сторона запредельного, и затем создается заново - с разговорами о ее загадочности, ее невыразимому «ададаясе, ее близости к позиции Бога и т.д.

Две вещи интересуют меня во всем этом. Во-первых, то, что разделение, в которое каждый, женщина или мужчина, вписан как «единичный» и процесс желания, инициируемый этим разделением, не выражает «мужчину» или «женщину» (то, о чем Фрейд говорит вскользь и условно, когда он представляет либидо как «маскулинное», не выражающее секс, и то, чему следуют лакановские психоаналитики, когда они настаивают, что желание не может быть сексуализировано); во-вторых, то, что разделение каждого - это также различие, не совпадение в фазах мужчин и женщин, мужского и женского. Психоанализ владеет прекрасным способом связывать эти вещи: фаллос, кастрацию, различные позиции женщин и мужчин в детстве по отношению к эдиповому комплексу, и т.д., что может иметь некоторое специфически историческое правдоподобие, выполнять определенную функцию как историческое объяснение, данное конкретному типу социальной организации отношений между мужчинами и женщинами. Но феминистки уже давно поняли, что универсализированное превосходство фаллоса в психоанализе, фаллос как первичное означающее может сохранять свой статус только в режиме обязательного к исполнению указания (это просто так и есть, этому нужно следовать, тут нечего больше добавить), что, в собственных терминах психоанализа, происходит потому, что мужской страх кастрации при виде женских гениталий, о котором заявляет Фрейд, конструируется из исходящей от отца угрозы кастрации, осознаваемой в эдипальный период, когда встает вопрос «имею - не имею». Отсюда следует, что фаллос не может обуславливать все аспекты сексуальности и сексуального различия, что важнейший вопрос отношения к материнскому телу, его сходство или отличие и артикуляция этого факта для мальчиков и девочек имеет

первостепенное значение вне зависимости от всякого понятия доэдипального, которое просто заставляет вести отсчет всему от фаллоса и хоронит материнское - погребенная Фрейдом цивилизация - как прошлое, которое в таком случае может интересовать нас только как точка регрессии, то место, где мы вполне ожидаем обнаружить женщину и где не должен находиться мужчина.

Какое это все имеет отношение к мужскому феминизму? Возможно, мужчины должны работать над преодолением этого не-просто-эдипова-комплекса разделения, различия, заключающегося в том, что они должны прийти до сути политико-сексуальных понятий - сходство, различие, друговость (есть нечто чрезвычайно конвенциональное в самом предположении, что женщины определяют свое различие, что это тот путь, посредством которого мы снова должны будем признать их существование), что нам в конце концов придется всерьез отнестись к «гетеро» в «гетеросексуальности», что означает, гетерогенность в нас самих, нас самих, проходящую через нас, и также начать серьезно воспринимать сексуальность, что значит, я полагаю, отказ именно от гетеросексуальности, этой репрессивной репрезентации сексуального как акта, принципа дополнительности, дуализма полов, парности.

Различие как социальное и идеологическое ограничение - термин патриархата: ее отличие предоставляет идентичность мужской позиции, она, отличная - это его реальность, мужчина и женщина, «противоположный пол», все на местах.

Различие как политическая возможность провозглашает, обретает и реализует свое различие, разрушает «его» и «ее» идентичности, их обман. Женщины далеко от мужчин, вне их пространства.

Различие как желание: не различие, только различия, никакого «один и другой», никаких «его-ее», «мужчина-женщина», «гетеро-гомо» (еще одно определение различия, почерпнутое из нормы мужчина-женщина), новое общество, в этом смысле - Утопия.

Но чье желание?

В этих заметках довольно много отсылок к психоанализу. Я думаю, как это часто бывает, о Барте: «Нужно не обойти вокруг психоаналитического града-памятника, а пройти по его дорогам, словно по улицам волшебного города, где можно играть, грезить и т.п.: это точно такая же фикция». И Лаура Малви: «психоаналитическая теория подходит нам как политическое оружие». И Джулиет Митчелл, представлявшая в 1984 году текст, написанный десятью годами ранее, следующим образом: «тогда я еще надеялась, что можно будет использовать психоанализ как зарождающуюся науку об идеологии патриархата, о том, как мы приходим к тому, чтобы проживать наши жизни как «женщины» и «мужчины» в патриархальных обществах»³⁰.

Волшебный город, по которому нужно пройти - фикция, политическое оружие, которое должно быть использовано по назначению, анализ влияния патриархального позиционирования на наши жизни как «мужчин» и «женщин» (возможно, «в то время я все еще надеялась...»). Я могу использовать эти три фигуры, чтобы определить психоанализ, его практическое применение. Психоаналитический (фрейдовский и лакановский) фаллоцентризм сейчас не критикует только ленивый (что не отменяет необходимости этой критики), но тот модус осмысления, который предлагает психоанализ, тем не менее сохраняет свое влияние; вопросы субъективности, «маскулинности» и «феминности», сексуального различия и идентичности в истории индивида разрабатываются точно так же, как раньше - термины патриархата анализируются и воспроизводятся в рамках патриархата, более того, остаются неизменными понимание и вопросы, что, следовательно, не способствует простому и однозначному отношению к психоанализу. Я полагаю, что трудности и перепады, и проблемные места работы Митчелл являются неотъемлемой частью ценности этой книги: фикция, политическое оружие, зарождающаяся наука идеологии патриархата («зарождающаяся» - это очень важное слово)... Феминизм - это необходимый рычаг для современного психоанализа, диалектическое давление, которое подталкивает его к правде (он всегда и подталкивал, еще с Фрейда, одно из самых красноречивых доказательств чему - описание случая Доры, замечательно проинтерпретированное с этой точки зрения многими феминистскими авторами). Не то чтобы это окончательно разрешало спор по поводу того, «существует или не существует радикальный потенциал для феминизма во фрейдистском психоанализе»³¹, но это является индикатором того, что такой спор важен, что это на самом деле радикальная дискуссия, что психоанализ уже имеет для феминизма политическое значение и является продуктивной темой («его появление в дискуссиях стало ответом на внутренние потребности феминистского дискурса»³²).

То, каким образом это проговаривается, зависит от контекста. Тот контекст, на который откликаюсь здесь я - это британский феминизм, все мои отсылки - к нему: к Малви, и к Митчелл, и к редакционному совету Феминистского Ревю (*Feminist Review*) параграфом выше, и к Жаклин Роуз. Я думаю, что человек, включенный, к примеру, во французский контекст, писал бы по-другому, ведь его реальностью было бы психоаналитическое сообщество, играющее огромную роль в культурной жизни Франции, постоянно утверждающее свое превосходство, имеющее сонмы преданных сторонников и регулярно производящее новые версии антифеминизма, которые часто разыгрываются женщинами против других женщин (красноречивый пример тому - группа «Психоанализ и политика» и их печатный орган «Женщины» (*Des Femmes*), зарегистрировавшие права на французскую фразу «Женское освободительное движение» и всячески пытающиеся не дать возможности другим женским организа-

циям ее использовать). Все это, конечно, необходимо привести в британскую дискуссию, чтобы, скажем, та же лакановская теория и практика были изучены и отрефлексированы (например, разве кто-нибудь когда-нибудь делал попытки комментировать выбор Жанн Фавр-Саада, которая заявила о выходе из лакановской школы?³³). Использование психоанализа - процесс сложный и противоречивый, что, несомненно, видно и по моему тексту.

Я начал свою мысль с цитат из Барта, Малви и Митчелл: две феминистки и один мужчина... Что? Возможно, индивидуалист: «Сейчас я прихожу к выводу, что единственная эффективная форма маргинальное™ - это индивидуализм»³⁴. Но одна из вещей, которой учит мужчин феминизм, это то, что женщинам надоело быть маргинальными, маргинализированными: патриархальное общество основано на маргинализации, на том, что женщины находятся вне и по краям его экономики, его институтов, его решений. Кроме того, чтобы что-то изменить, необходимы коллективные действия, а не индивидуализм, женщины вместе - вот что такое феминизм. Конечно, Барт добавил, что этот индивидуализм нужно будет понимать по-новому - «более радикальный, более энигматичный» («энигматичный» - это тоже, конечно, не самый подходящий для феминизма выбор). Барт сказал это в своем последнем интервью - за четыре дня до смерти. Журнал, в котором вышло интервью, опубликовал его под заголовком «Кризис желаний».

Является ли позиция мужчин по отношению к феминизму маргинальной, индивидуализмом? Я полагаю, является, и в лучшем случае несмотря на трудность использования этих терминов. Я не имею в виду, что взаимосвязи и совместные действия исключены, просто констатирую факт, что феминизм де-центрировал мужчин - еще одна вещь, которую они должны узнать. И это означает, что нет никакой очевидной позиции, только меняющаяся маргинальность, новый индивидуализм в том смысле, что коллективная идентичность мужчин больше не возможна (невозможна, если ты прислушиваешься к феминизму и реагируешь на него). Опять-таки, в этом нет никакой трагедии (то есть, это не означает потерянной жизни между строк «если-бы-только-я-был-женщиной-у-меня-была-бы-подлинная-идентичность»), просто факт (политической жизни мужчины, прислушивающегося к феминизму, реагирующего на него). И здесь, вероятно, мы можем вернуться к психоанализу. Я могу назвать довольно много женщин в Великобритании, чья деятельность напрямую связана с психоанализом, и ни одного мужчины. Конечно же, я не имею в виду, что в Англии в психоанализе нет мужчин, просто политически-личная преданность анализу в этой стране, где я живу и работаю, оказывается свойственна женщинам гораздо чаще, чем мужчинам. Рефлексируя по поводу мужского феминизма, следует отдавать себе в этом отчет (что не означает сделать вывод, что феминизм с необходимостью приведет мужчин к психоанализу). Это помогает продвинуться к пониманию того, затрагивает ли мужчин (и если да, то каким

образом) радикальный потенциал психоанализа для феминизма или, по крайней мере, дискуссия по этому поводу. Возможно, психоанализ с его объяснением субъективности, его проблематизацией идентичности может предложить некую форму индивидуализма вне привычных нам репрезентаций мужчины и маскулинности, которым мужчины всегда с готовностью сопротивляются и в итоге отвергают. «Волшебный город, по которому нужно пройти», может рассказать нам другую историю нас, политически приемлемую, если мы хотим анализировать и подвергать изменениям патриархальную позицию, определяющую наши жизни.

В выпускном классе Йельского университета, обсуждающем проблематику «Клариссы» Ричардсона, студент - молодой человек - убежденно замечает, что, конечно же, он не может воспринимать кого бы то ни было иначе, кроме как «полноценную личность»: «кем же еще может быть человек?». Преподаватель-женщина отвечает просто: «ну, вы можете быть жертвой». Это как мини-диалог центра и окраины. Что на самом деле сложно для мужчин, осведомленных о феминизме, - это не представить равенство женщин, а понять исключительность, «не-равенство» своего собственного положения: первое - абстрактно и не лишает меня моей позиции (естественно, женщины должны быть равными с мужчинами), второе - конкретно и с неизбежностью приводит к выводу, что мое равенство - это просто другое название для их угнетения (женщины не равны со мной, и борьба идет не за это равенство).

Пишу ли я по-мужски? Что это значит? Мы научились из семиотики, психоанализа, деконструкции, всей современной теории письма - что нельзя путать пол автора с сексуальностью и позицией пола, вписанной в текст. Нет никакой простой связи между мной как мужчиной или мной как женщиной и дискурсом, типом письма, текстом, который я произвожу. Это производство включает меня в сеть дискурсивных порядков языка, во все возможные формы и конструкции с их конкретными позициями, во все существующие смыслы «маскулинного» и «фемининного» (в которых я в любом случае нахожусь с самого начала, будучи «мужчиной» или «женщиной»).

Но мы не можем позволить, чтобы это послужило ответом на все исходные вопросы, как бы я ни желал переложить ответственность за существующее положение вещей на мир конвенций, форм, предписанных позиций, на весь этот загадочный мир текстуальности, в котором нам уготована всего лишь роль разрушающих его пленников. Я должен осознавать факт существования этих форм и конвенций и их включенность в мое положение как мужчины в данном обществе, положение, которое посредством моего письма я рискую подтвердить, еще глубже вписать в контекст, укрепить. Точно так же и женщины не связаны тотально доминантными дискурсивными порядками, которые,

тем не менее, социально определяют их и вопреки которым, отталкиваясь от которых, за пределами которых их новая реальность должна быть создана, проартикулирована, принесена в жизнь. Отсюда, несомненно, такое большое внимание женщин к женскому письму, дискурсу женского, выписыванию тела и телесного опыта и т.д., концептам теоретически сомнительным (с точки зрения мужского понимания теории?) с их потенциальным эссенциализмом (что-то вроде мгновенного, экспрессивного единения женщин, женского) и политически действенным (создание реальности женщин, которые говорят и пишут как женщины). Для мужчин, однако, именно из-за фундаментальной асимметрии, которая продолжает существовать между ними и женщинами, их доминирования, не может быть эквивалента - мужского письма, мужского дискурса. Это просто было бы повторением уже существующего, нет никакого политически прогрессивного проекта, который мог бы разрабатывать эту идею (кроме, возможно, описания опыта мужчин-геев, литературы такого рода). «Говорить правду о своем теле - необходимая освобождающая тема для женщины-писательницы», - пишет Телли Олсен³⁵. Мне представляется очень маловероятным, что такая фраза могла бы быть сказана о мужчине-писателе. Истина о мужчинах и их телах в настоящий момент скучна и банальна (мне не хотелось бы, чтобы возникло ощущение, что, говоря это, я пытаюсь каким-то образом романтизировать - в противоположность - женщин и женские тела): засилье тех же вечных проблем фаллоса и т.д. (с их воспевателями - от Лоуренса, через Миллера и Мэйлера, до сегодняшнего дня). Высвобождение мужского тела из существующей системы репрезентаций с ее репрессивными эффектами должно будет стать следующим этапом после женского письма, на сегодняшний день освобождающая практика говорения правды о мужском теле - утопия, о женском теле — *актуальность*.

Итак, я нахожусь между мужским письмом как структурой подавления и мужским письмом как утопией, и тем не менее я существую, здесь и сейчас, когда вы читаете эти строки - написанные мужчиной. Все, что я могу сделать, - это каждый раз задаваться вопросом, насколько мой дискурс определяется тем, что я являюсь представителем мужского пола, и затем - через призму этого - о моем восприятии практик и реальности мужчин и женщин, их взаимоотношений в мире. Поступать так не означает снять вопрос, отказаться производить впечатление нейтральности, это не означает писать как мужчина или постоянно возвращаться к условиям угнетения, но это, по крайней мере, означает понимать практику письма как включенность в этику полового различия, что и является на сегодняшний день исходным пунктом на пути к иному мужскому письму.

Читающая женщина - это не то же самое, что «читающая как женщина». В течение долгого исторического периода женщин учили не читать как женщины, в процессе обучения они усваивали установку на повторение и соот-

ветствие мужскому чтению, мужской традиции, на узнавание определенного литературного канона («канона» с его странными правильностями, церковным законом и фаллическим оружием). Что не означает, конечно же, что они просто повторяли, просто соответствовали, что не имели места никакое «неправильное» чтение, «другое» чтение, бунт, отказ. Доминирование, в конце концов, предполагает некие точки сопротивления, прорыв того, что оно пытается сдерживать. То же самое, конечно, происходит и с доминирующим столь долгое время порядком; история вызвала к жизни и позволила существовать определенным территориям, где было возможно «читать как женщина»: предназначенное для женщин чтение - английский роман конца 19-го века, голливудские романтические «женские фильмы» 1940-х и многие другие примеры. Такие территории - одновременно опасные и безопасные, четко определенные как «банальные» и не стоящие внимания, и в то же время сомнительные, тревожные, просто потому что женщины присутствуют там со своим восприятием и своими трактовками прочитанного (отсюда - период нападков на чтение романов из-за их опасности, отсюда - с другой стороны - реокупация «женских фильмов» современными феминистскими теоретиками кино).

Женское чтение - это заданное место, доступные позиции, женские жанры, стили и т.д., либо - альтернативный проект, борьба до победы, вся сложность и ответственность женского пере-про-чтения, феминистской критики. «Женщина, пишущая как женщина», отмечает Пегги Камуф, всегда предполагает раскол: попытка воспроизвести кажущуюся идентичной «женщину» на самом деле нарушает процесс принятия идентичности, «оставляя место для незначительного смещения, разделяя на составные части сложное дифференциальное понятие, для обозначения которого всегда использовался единый термин и которое всегда так и воспринималось»³⁶. То же самое относится и к «женщине, читающей как женщина». Читать - означает совершать акт конструирования идентичности, в котором многообразные, разнородные отношения опыта предстают определенным образом, в определенной форме. Женское чтение отличается от «читать как женщина», которое, в свою очередь, не обязательно равнозначно «читать как феминистка». При этом очевидна обратная необходимость - «читать как феминистка» с неизбежностью включает в себя «читать как женщина» (включает знание того, что это значит - «быть женщиной» в обоих смыслах, в негативном - отведенное место угнетенного, и в позитивном - источник силы, направленной против угнетения, «читать как женщина» подразумевает женский опыт). Подобная трактовка данных терминов, естественно, может быть поводом для теоретических дебатов. Если пол не является непосредственно идентичностью, если «читать как женщина» - это конструкт, откуда же тогда вывод о необходимости быть женщиной, чтобы «читать как женщина»? Если феминизм - это социально-политическая осведомленность об угнетенном положении женщин и желание положить конец данной ситуа-

ции, почему же тогда необходимо идентифицировать себя «как женщину», чтобы быть феминисткой? Или, формулируя иначе, почему этот круг исключает мужчин?

Мужское чтение теперь также никогда не означает то же самое, что «читать как мужчина». В течение долгих лет мужчин учили просто читать, они приобрели нейтральность доминирования, их безопасность - это безопасность безразличия: мы - нормальны, это женщины - другие, «особый случай». «Читать как мужчина» - это не проект, это отправная точка, именно поэтому, скажем, для писателей-модернистов, ищущих авангардного смещения форм, попытки преобразовать заданную идентичность в множественную и многообразную, писать иначе - отлично от всего, написанного ранее, - привели к естественному выбору писать по-женски, поставить себя на место женщины (очевидный пример этому можно найти в творчестве Джойса, который заканчивает два своих величайших романа женскими монологом и полилогом - Молли Блум и Анна Ливия). Это отправная точка, которая не может просто быть вычеркнута, забыта. Мы способны научиться «читать как женщины», и мы можем научиться «читать как феминистки», это значит, что мы можем научиться женскому прочтению, феминистскому прочтению, мы можем установить отношения, которых у нас до этого никогда не было, вернуться в свою исходную точку, чтобы посмотреть на нее критически. В то же время, мы должны отдавать себе отчет, что мы и есть эта отправная точка, не в смысле, что она является нашей идентичностью, что мы и есть она (мы - история, процесс, который еще не завершен), но в смысле, что это, тем не менее, место, где мы находимся, эта наша позиция в том обществе, в котором мы живем. Было бы здорово забыть, что являешься мужчиной (и я мечтаю об этом чаще, чем большинство), но мы не можем этого. Мы должны принять то, что это значит - быть мужчиной. Таким образом, круг чтения - обратимость, описанная выше, - не может включить нас таким же образом, как он включает женщин, и, вероятно, мы должны с этим смириться.

Я думаю, это политическая необходимость принять - противоречия (не испугаться обвинений в теоретической непоследовательности или некорректности). Отношение пола к идентичности не является непосредственным - мы сконструированы как тендерные индивиды в процессе сложной психосоциальной истории. «Женское», «мужское», «маскулинность» и «фемининность» - это позиции, места, условия идентификации; мы не являемся монолитными и окончательно сформированными, однако многие порядки гетеросексуального закона являются ограничивающими и закрепляющими. «Женщина» и «мужчина» не существуют, только женщины и мужчины с их общим опытом, который раса и класс могут пересечь во многих местах и во многих ситуациях с гораздо более далеко идущими и влияющими на нашу жизнь последствиями, чем пол. И в то же время влияние пола на идентичность - прямое и очень сильное,

мужчины и женщины существуют в ситуации радикального разделения, отличия, которое воспроизводится как основание для угнетения, общий опыт вступает в противоречие с половым различием и, кроме того, вступает в противоречие с расовыми и классовыми отношениями, другими словами, женское движение - это реальность.

Вот почему, когда Элейн Шоуолтер предупреждает об опасности уделять слишком много внимания «эссенциалистской дилемме определения женщины читателя, когда в большинстве случаев имеется в виду и подразумевается читатель феминистка. Читать по-феминистски, спешу добавить, это не беспроблемное определение, но оно имеет важный положительный аспект, предлагая мужчинам-читателям способ участвовать в феминистской критике, который не сводится к подражанию женщинам. Путь в феминистскую критику для мужчин-теоретиков должен быть связан с борьбой с теми эффектами восприятия, которые порождает мужской способ чтения, а также с постановкой под вопрос или отказом от отцовских привилегий»³⁷, с одной стороны, я понимаю, что она права, но с другой стороны, я понимаю, что, «спеша добавить», она слишком поверхностно относится к проблематичной природе самой идеи мужчины, читающего по-феминистски. Мужской феминизм не просто отличается от феминизма (как нелепо было бы сказать «женского феминизма»), это противоречие в терминах. Или, в самом крайнем случае, это всегда в том числе противоречие в терминах. Если мужчина пытается читать по-феминистски, этот процесс всегда включает «подражание женщине», чем бы еще он ни являлся. Думать иначе - значит игнорировать личное, абстрагироваться от него (и то, насколько современная теория захвачена такого рода абстракциями, позволяет дать политическую оценку этой теории): «читать как женщина», «читать как феминистка» и «женское чтение» связаны друг с другом, и ни один из этапов нельзя пропустить. Я думаю, Шоуолтер утверждает то же самое, когда она говорит о развитии феминистской критики как о «теории, доказанной нашими жизнями», и повторно предупреждает, что «феминистские техники могут быть скопированы и вырваны из политического и личного контекста, в котором они возникли».

Мне нравятся стихи Адрианы Рич, она называет вещи своими именами. Вот для начала заголовки ее сборников: «Воля к изменению» (*The Will to Change*), «Погружение в катастрофу» (*Diving into the Wreck*), «Мечта об общем языке» (*The Dream of a Common Language*), «Необузданное терпение увело меня вдаль...» (*A Wild Patience Has Taken Me This Far*)³⁸.

Что это значит для меня - сказать, что я люблю ее стихи? Одно из стихотворений называется «Попытка поговорить с мужчиной» (DW, 3), но общий язык - это мечта, временами любой человек - и мужчина, и женщина - «каждый, пытающийся говорить на так называемом общем языке, чувствует, как

льдина раскалывается, как ее куски уплывают в разные стороны, и мы не в силах их снова соединить» (CL, 16). Адриан Рич идет от женщины к мужчине, ее ярость теперь не ограничивается «обычным пактом женщин и мужчин», но концентрируется на «мире, который маскулинность сделала непригодным ни для мужчин, ни для женщин» (DW, 36). Мир, неподходящий ни для мужчин, ни для женщин, в котором женщины отсутствуют, потому что они находятся где-то в другом месте: «Вы можете представить себе мир, где жили бы одни женщины? - спросил меня интервьюер. - Вы можете представить себе мир, в котором женщины отсутствуют? (Он думал, что он шутит.) Между тем, я представляю оба эти мира, я могу представить их оба, потому что я живу в обоих» (CL, 61). Непригодный ни для женщин, ни для мужчин, но где мужчины владеют улицами, «разве это был наш выбор/видеть наши тела, раскинувшись /в неволе и распятыми посреди пустоты?» (WP, 3), где «не существует ничейной земли»* (WP, 4): «мир мужчин, но погибший Мир» (DW, d>). Итак, где же нахожусь я, читающий эти стихотворения? Как женщина? (но все они, все, что написаны, с их «яростью», с их «необузданным терпением», с их «попытками залатать дыры» говорят мне, что я не женщина). Как феминист? (Когда все они, все, что написаны, предлагают мне истории, образы, сцены, реакции, слова, которые не оставляют мне такой позиции, такого места, где я мог бы избежать хотя бы частичной идентификации или имперсонализации их реальности, их политики. И «что мы есть после этого/ не совсем ясно для меня, если «политика»/ — это непристойное слово» (WP, 49). Как версия «призрака мужчины-который-поймет, /потерянного брата, близнеца» (CL, 62)? («ради которого — продолжает поэт —мы оставляем наших матерей/отвергаем наших сестер вновь и вновь...»). Возможно, задача критиков-мужчин просто читать (оставим в покое «как») и учиться молчанию: «молчание может быть планом/ тщательно исполненным/ копией самой жизни/молчание - это присутствие/ оно имеет историю и форму/ не путайте его/ ни с каким видом отсутствия» (CL, 17). Но молчание, нарушенное этими стихотворениями, -это их молчание - не наше, «эти слова, эти шепоты, эти разговоры, / из которых раз за разом, как побеги из набухших почек, прорывается правда - влажная и зеленая» (CL, 20).

Возможно («возможно» - модальность этих заметок), возможно, мужской феминизм должен включать фундаментальное восхищение, восторг. Да, это старомодное слово, оно ассоциируется с мотивами любви и ухаживаний («восторженные поклонники» героинь часто встречаются в классических романах),

* Игра слов. По-английски «ничья земля» - *no man's land*. То есть, фразу можно прочесть буквально как «не существует земли, не принадлежащей мужчинам». (Примечание переводчика)

но оно примечательно деконструируемо, когда мы отбрасываем самые известные смыслы и обнаруживаем понятие, означающее восприятие чего-то ошеломляющим изумлением, переходящее в созерцание с благоговением, восхищением и удовольствием (осведомленный читатель может почувствовать, что здесь уже совсем недалеко до психоанализа, психоаналитического «жуткого» [*uncanny*]). И все-таки восхищение, в том смысле, в котором его недавно вернула в теоретический дискурс Иригарэ, размышляя именно об этике полового различия. Она пришла к этому термину, перечитывая Декарта, который в «Страстях души» говорит о восхищении как о первой из всех страстей - «внезапном изумлении», охватывающем нас при первой встрече с каким-либо незнакомым нам одушевленным или неодушевленным предметом, которое предшествует объективации и оценке каких-либо его качеств. Или, как объясняет Иригарэ, «То, чего никогда не существовало между полами. Восхищение, удерживающее оба пола незаменимыми в своем различии. Устанавливая свободное и вовлекающее пространство между ними, возможность для расхождений и альянсов»³⁹.

Восхищение как утопия, которая никогда не существовала между полами; но в таком случае как открыть это пространство радикального сексуального различия, которое не является старым различием (психоаналитическая теория с готовностью превращает восхищение в неподвижность кастрации, предполагаемое мужское изумление, испуг, которого, по мнению Фрейда, не может избежать ни один мужчина, «при виде женских гениталий», мужское оцепенение, которое Декарт описывает как остолбенение тела в виде «неподвижной статуи», застывшей в единственном восприятии: «изумление как избыток восхищения, в котором никогда не бывает ничего хорошего»⁴⁰)? Этот вопрос отсылает нас к началу - к невозможности отношений мужчин с феминизмом, к констатации факта, что эти отношения существуют сегодня только как возможные в будущем, и к признанию, что мужской феминизм на сегодняшний день - это терминологическое противоречие, но тем не менее он необходим для мужчин, просто чтобы жить. Все, что можно сказать в заключение, определяя подлинную реальность мужского феминизма, - это повторить слова Иригарэ, слова, которые произносили и произносят многие другие и которые выражают часть политического сознания феминизма: «Я никогда не буду на месте мужчины, а мужчина никогда не будет на моем. Какими бы ни были возможные идентификации, мужчины и женщины не сводимы друг к другу, один никогда не может занять место другого»⁴¹. Возможно, мужчины могли бы научиться понимать это, без горечи, без раздражения, просто принимая как данность эту несводимость, как нечто подобное восхищению Иригарэ.

Красивые слова? Да, конечно. Я беру цитату из Иригарэ и использую ее письмо, чтобы закончить свое, и хватаюсь за слово «восхищение», как если бы оно могло что-то изменить, разрешить хоть какие-то затруднения, хотя бы часть

сомнении, которые возникают у меня, когда я перечитываю то, что написал. Но, возможно, «восхищение» способно выразить и это тоже - то, что здесь нет завершения/решения. А потом я думаю о том, что написал большую часть этого текста в палате больницы, где лежат женщины, в большинстве своем - пожилые, часами и днями присматривая за своей матерью. Согласно академическим конвенциям, у меня, конечно, есть все причины, чтобы не упоминать здесь этот факт, и ни одной реальной причины, чтобы этого не сделать. Это имеет какое-то отношение к восхищению и это, по крайней мере, какое-то возможное реальное завершение.

1984

Сейчас, по прошествии времени, я думаю, что такое окончание несет в себе слишком много проблем, чтобы быть оставленным просто так, без комментариев, что этого недостаточно. Я знал это тогда (и это чувствуется в тексте), несмотря на то, что только так я тогда и мог его закончить, впадая в молчание, намеренно остановив свою речь в момент достигнутого состояния благоговейного созерцания. Упоминание моей матери, того, что я писал эти заметки в госпитале, - это реальность, но в то же время это эмоциональное место в тексте, которое содержит его легитимацию, слишком подходящую на тот тип личной гарантии, который я критиковал ранее. Последний абзац сообщает некую правду, и в то же время его правда не может быть заключением данного текста без определенной потери правды - критической, политической правды, которая является проблемой «Мужского феминизма» и мужского феминизма.

Более широкая перспектива может открыться здесь, если учесть использованные мной цитаты из Иригарэ и появление понятия «восхищение». Я не хочу сейчас к этому возвращаться (как раз наоборот); просто в этом есть сложности, которые были необоснованно оставлены в стороне. Опять-таки, то, что говорит Иригарэ - правильно, тем не менее, когда я цитирую ее, использую это, предъявляю это в заключение, я заканчиваю ложным единством, фетишизирующим взглядом (смотри, вот она!), сложность и противоречия я заменяю молчанием, восхищением как таковым, отсюда и последний параграф - потому что сказать больше нечего.

«Я никогда не буду на месте мужчины, а мужчина никогда не будет на моем. Какими бы ни были возможные идентификации, мужчины и женщины не сводимы друг к другу, один никогда не может занять место другого.» Да, но несводимость может очень легко стать не различием и противоречием, а непреодолимой пропастью, словно бы между двумя видами, и вовлеченность мужчин в феминизм - феминизм, который должен включать мужчин, их трансформацию, в свой проект - прерывается: только восхищение, изумление, как перед диковинным предметом, благоговейное созерцание. Автономия феминиз-

ма превращается в его отдельность, и необходимость признания мужчинами первого становится для меня поводом, чтобы остановиться на втором.

Немаловажно в данном контексте то, что феминизм сам по себе воспринимается таким образом, будто он как поле деятельности представляет собой некое монолитное единство, что скрывает разнообразные позиции, движения и виды борьбы, являющиеся его реальностью. Когда я начинал работать над этим текстом, моей задачей было написать о феминизме в целом как о факте осознания и понимания женщинами своего угнетенного положения и их решимости действовать, чтобы изменить это положение. С точки зрения размышлений о возможности мужского феминизма (только с этой точки зрения) существование альтернативных движений внутри феминизма, разных феминизмов, представлялось мне в то время не имеющим первостепенного значения. Моей целью было исследовать то, что оказывается на кону для мужчин, примирившихся с фактом этого осознания, понимания и готовности действовать, с той ситуацией, что женщины меняют существующее положение вещей для себя и для нас - процесс множественный и гетерогенный, а не единичный и гомогенный, но который, тем не менее, воспринимается как явление в целом - феминизм.

Другая сторона этого восприятия, однако, это ощущение нахождения «вовне», внеположенность, которую восхищение частично устанавливает, самоисключенность как ценность, правильный ответ мужчин (обратная экстремальная реакция на «более радикальный, самый радикальный» жест, обсуждавшийся в тексте ранее). Сведение феминизмов к феминизму, который имеет дело только с гендерно-определенными-объектами, к феминизму женщин и для женщин. Что одновременно и правильно, и неправильно: правильно, потому что феминизм гендерно определен, и это необходимо и обязательно так; неправильно, потому что определение тендера само по себе проблематично, оно является предметом феминистской дискуссии о феминизме, которая скрывается за термином «феминизм» (в общем потоке социальных явлений «феминизм», кроме того, воспринимается как термин, определяющий новую психологию женщин, их упрощенную и контролирующую идентификацию, возникшую как следствие женского освободительного движения, которое сейчас, хочется надеяться, уже в прошлом). Что, опять-таки, одновременно и правильно, и неправильно, особенно для мужчин, для размышлений о мужском феминизме: правильно, потому что феминизм для нас должен включать осознание «отдельности» женщин, и главным образом, признание женской автономии; неправильно, потому что автономия не должна трактоваться как исключение, несмотря на ту уважительную форму, в которой оно предстает в этом тексте, но, скорее, должна восприниматься как непосредственное основание для нашего участия, место, откуда следует начинать, зная, что ты - мужчина и отдавая себе отчет в том, что это значит.

Именно последствия и результаты этого знания и являлись главной темой «Мужского феминизма». Проблемы, о которых шла речь в заключении, в таком случае, - это проблемы отношений такого рода знаний и феминистской практики — *что значит феминизм для мужчин?* где мы находимся по отношению к феминизму? Мой настоятельный, неоднократно высказанный в тексте призыв принимать во внимание политически-этическую реальность феминизма для мужчин, для-меня-как-мужчины (требование, которое я считаю важным и необходимым -в противоположность принятой и распространенной практике замещения феминизма набором идей для теоретических дискуссий или популярным политическим движением, в противоположность мнению мужчин, полагающих, что феминизм ждет не дождется, пока они «вступят в его ряды» и займут там «определенные позиции», в противоположность всем тем способам, которые позволяют нам избегать постановки под вопрос с точки зрения феминизма своего собственного положения) включает в себе определенный риск появления личного эссенциализма, позиции внешнего наблюдателя по отношению к объекту, этики, существующей отдельно от политики, когда я останавливаюсь в молчании («восхищение», «созерцание», «различие» - признаки этого в моем тексте, демонстрирующие отрицательный эффект того положительного теоретического импульса, благодаря которому они возникли). Не то чтобы мне хотелось изменить сейчас то, что я написал, но я посчитал необходимым заострить ваше внимание на этих проблемных моментах⁴².

1986

- 1 Claire Pajaczkowska, «The Heterosexual Presumption: A Contribution to the Debate on Pornography,» *Screen* vol. 22, no. 1 (1981), p. 92.
- 2 B. Ruby Rich, «Anti-Porn: Soft Issue, Hard World,» *Feminist Review* no. 13 (Spring 1983), p. 66.
- 3 Elizabeth Wilson, *What Is To Be Done About Violence Against Women?* (Harmondsworth: Penguin, 1983), pp. 135-68.
- 4 Stephen Heath, *The Sexual Fix* (London: Macmillan, 1982) p. 163.
- 5 Sigmund Freud, «Analysis Terminable and Interminable,» *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud* (London: Hogarth, 1953-74) vol. XXIII, p. 252.
- 6 Jacques Derrida, «La Question du style,» *Nietzsche aujourd'hui?* (Paris: Union Generate d'Editions, 1973) vol. I, pp. 299, 244.

- I Rosalind Coward, *Female Desire: Women's Sexuality Today* (London: Paladin, 1984), p. 227.
- 8 Пит. по: Теккерей У. *Ярмарка тщеславия*. Собрание сочинений в 12 томах (М.: Издательство «Художественная литература», 1975), т. 4.
- 9 Jacques Lacan, *Le Seminaire livre XX Encore* (Paris: Seuil, 1975), p. 75. Вопрос Фрейда появляется в письме к Мари Бонапарт, см.: Ernest Jones, *Sigmund Freud: Life and Work* vol. 2 (London: Hogarth, 1955), p. 468. Законченная в 1932 диссертация Лакана, включающая случай Эмме, и эссе *Le Minotaure* (1993) о сестрах Папин, опубликована в the *Surrealist review*, можно найти в Lacan, *De la psychose paranoïaque dans ses rapports avec la personnalité* (Paris: Seuil, 1975).
- 10 Lacan, seminar 16 November 1976, *Ornicar?* no. 12/13 (1977), p. 12.
- II Eugenie Lemoine-Luccioni, *La Robe* (Paris: Seuil, 1983), p. 25.
- 12 Juliet Mitchell, «Feminine Sexuality: Interview with Juliet Mitchell and Jacqueline Rose,» *m/fno*. 8 (1983), p. 15.
- 13 Michele Montrelay, intervention, *Journees de l'Ecole Freudienne de Paris, Lille 1977, Lettres de l'Ecole Freudienne* no. 22 (March 1978), p. 144.
- ¹⁴ Stephen Heath, «Difference,» *Screen* vol. 19, no. 3 (Autumn 1978), pp. 51-112.
- 15 Millicent Garrett Fawcett, *Women's Suffrage: A Short History of a Great Movement* (London: Jack, 1912), p. 16.
- 16 Terry Eagleton, *Walter Benjamin: or Towards a Revolutionary Criticism* (London: New Left Books, 1981), все цитаты со с. 99-100.
- 17 Переводчик версии «Пира», изданной *Penguin Classics*, отмечает, что «это практически повсеместно и без сомнения справедливо считается, что Диотима - вымышленный персонаж, несмотря на кажущиеся историческими свидетельства, которые приводит о ней Сократ», Plato, *The Symposium*, trans. William Hamilton (Harmondsworth: Penguin, 1975), p. 19. «Без сомнения справедливо», поскольку «голос на расстоянии» - это всегда вымысел теории, необходимый для нее самой.
- 18 См., н-р: Luce Irigaray, *Speculum, de l'autre femme* (Paris: Minuit, 1974).
- 19 Lacan, *Le Seminaire livre XX Encore*, p. 69.
- 20 Ann Snitow, Christine Stansell and Sharon Thompson, eds., *Desire: The Politics of Sexuality* (London: Virago, 1984).

- 21 Irene Roublef, intervention, Journees des Cartels de l'Ecole Freudienne de Paris, Paris 1975, *Lettres de l'Ecole Freudienne*, no. 18 (April 1976), p. 211.
- 22 Paul Brown and Carolyn Faulder, *Treat Yourself to Sex* (Harmondsworth: Penguin, 1979) p. 81.
- 23 Montrelay, *L'Ombre et son nom* (Paris: Minuit, 1977), p. 151; следующая цитата, p. 142.
- 24 Gayatri Spivak, cit. Elaine Showalter, «Critical Cross-Dressing: Male Feminists and The Woman of the Year», *Raritan* vol. III no. 2 (1983/4) p. 133. (See this volume, p. 118.)
- 25 Цит. по: *Ролан Барт о Ролане Барте* (М: AdMarginem/Сталкер, 2002), с. 105; Tillie Olsen, *Silences* (London: Virago, 1980), p. 255.
- 26 Lacan, *Le Seminaire livre XI, Les quatre concepts fondamentaux de la psychanalyse* (Paris: Seuil, 1973), p. 240; trans. Alan Sheridan, *The Four Fundamental Concepts of Psycho-Analysis* (Harmondsworth: Penguin, 1979), p. 266.
- 27 Freud, «Female Sexuality», Standard Edition, vol. XXI, p. 226; *New Introductory Lectures on Psycho-Analysis*, Standard Edition, vol. XXII, p. 134.
- 28 Lacan, «L'Etourdit», *Scilicet*, no. 4 (1973), p. 47.
- 29 Lacan, seminar 15 March 1977, *Ornicar?*, no. 17/18 (1979), p. 9.
- 30 Цит. по: Ролан Барт. *Избранные работы. Семиотика*, пер. с фр., вступ. ст. и коммент. Г.К. Косикова (М.: Прогресс, 1989); Laura Mulvey, «Visual Pleasure and Narrative Cinema», *Screen*, vol. 16, no. 3 (Autumn 1975), p. 6; Juliet Mitchell, *Women: The Longest Revolution* (London: Virago, 1984), p. 221.
- 31 Editorial, *Feminist Review*, no. 14 (Summer 1983), p. 1.
- 32 Jacqueline Rose, «Femininity and its Discontents», *Feminist Review*, no. 14 (Summer 1983), p. 5.
- 33 Jeanne Favret-Saada, «Excusez-moi, je ne faisais que passer», *Les Temps modernes*, no. 371 (June 1977), p. 2089-103.
- 34 Barthes, «La Crise du desir», *Le Nouvel Observateur*, 20 April 1980, p.87.
- 35 Olsen, *Silences*, p. 255.

- 36 Peggy Kamuf, «Writing like a Woman,» *Women and Language in Literature and Society*, ed. Sally McConnell-Ginet, Ruth Borker & Nelly Furman (New York: Praeger, 1980), p. 298.
- 37 Showalter, «Critical Cross-Dressing: Male Feminists and The Woman of the Year», p. 143; последующие цитаты: pp. 133,147. Работа Шоуолтер оказала очень большое влияние на данную статью.
- 38 Adrienne Rich, *Driving into the Wreck* (New York: Norton, 1973) - DW: *The Dream of a Common Language* (New York: Norton, 1978) - CL: *A Wild Patience Has Taken Me This Far* (New York: Norton, 1981) - WP.
- 39 Irigaray, *Ethique de la difference sexuelle* (Paris: Minuit, 1984), p. 20.
- 40 Цит. по: Декарт Р. *Сочинения* в 2 т. Т. I, пер. с лат. и франц. (М: Мысль, 1989),с. 511.
- 41 Irigaray, *Ethique de la difference sexuelle*, pp. 19-20.
- 42 Письма от многих людей, пришедшие после первой публикации «Мужского феминизма», помогли мне продвинуться дальше в анализе поставленных вопросов. Я особенно признателен Полю Уилмену за комментарии по поводу последнего абзаца и Розалинд Делмар за содержательную дискуссию.